



# СНЫ О СВОБОДЕ

Никита Панин

Никита Панин  
**Сны о свободе**

«Автор»

2024

## **Панин Н.**

Сны о свободе / Н. Панин — «Автор», 2024

Княгиня Андромеда — наследница герцогства Ла-Шерле, которую отец и мать выдали замуж за князя-завоевателя в надежде защитить от него подданных. Спустя семь томительных лет княгине выпадает шанс сбежать от узурпатора. Однако цена ее свободы — кровопролитная война, захлестнувшая все народы мира. Чтобы остановить войну, княгине предстоит отправиться на край света, разыграть самую блестящую политическую партию и... совершить нечто, за что весь мир будет назван ее именем.

© Панин Н., 2024

© Автор, 2024

# Содержание

Часть I. Темный лес	5
Глава 1. Исчезновение княгини	5
Глава 2. Лабиринт	20
Глава 3. Королева контрабандистов	33
Глава 4. Темный лес	53
Глава 5. Изгнанный принц	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

# Никита Панин

## Сны о свободе

### Часть I. Темный лес

#### Глава 1. Исчезновение княгини

##### 1.

Княгиня Андромеда в одиночестве бродила по тенистым аллеям дворцового сада. Что привело ее сюда? Может быть, Ее Величество желало проститься с летом? Возможно. Погода уже начала преобразаться: к вечеру небо над столицей окутали плотные черные облака, а ветер поменял направление, усилился и похолодел. Он срывал листья с молодых деревьев и устилал ими аллеи, проникал сквозь оконные щели в торжественные залы резиденции и завывал в каминных трубах. Придворные меняли гардероб, а слуги тем временем пополняли запасы дров и утепляли дворец.

Было еще не поздно, но из-за завесы туч в саду уже сгустились сумерки, и в бродящем по саду стройном женском силуэте едва ли можно было узнать княгиню Андромеду. Княгиня наслаждалась погодой. В то время как остальные обитатели дворца грелись в теплых покоях, Андромеда подставляла лицо навстречу колючему ветру и с наслаждением вдыхала прохладный воздух. Она улавливала запах перемен. Осень приходит на смену лету: в природе все меняется, и скоро уже ничего не будет как прежде. Как и в жизни самой Андромеды.

Андромеда думала, что она в саду одна. Думала, ни одна живая душа не может увидеть, с какой надеждой она смотрит в сторону зловещего черного горизонта. Тучи все прибывали и прибывали, они клубились и уплотнялись. На горизонте уже посверкивали первые молнии. Но никого не было рядом с Андромедой, чтобы ощутить, как замирало ее сердце, когда она улавливала слабые вибрации далекого грома. И не было у Андромеды ни одного близкого человека, который сумел бы понять, почему на ее губах время от времени играет улыбка. Искренняя, непринужденная улыбка, которая редко появлялась на устах княгини.

Как можно быть искренней там, где царят фальшь и ложь? Быть непринужденной среди людей, давно запутавшихся в паутине интриг и ничтожных амбиций? Если бы она не умела лгать, ее бы просто уничтожили. Но Андромеда перехитрила всех. Она преуспела в искусстве лжи, завоевала доверие придворных и любовь солдат. Своей красотой она очаровывала сердца, речами – влюбляла умы.

Но княгиня устала от этой вечной игры.

– Моя госпожа...

На лавке возле фонтана сидел мужчина. На нем был темный плащ, скрепленный золотой фибулой в форме львиной головы. Лицо мужчины скрывал капюшон. Но по его голосу и сутулости Андромеда догадалась, что он далеко не молод. Это неудивительно, ведь многие сановники занимают свои должности до самой смерти, не решаясь оставить доходное место.

Мужчина отличался высоким ростом, как супруг Андромеды, но выглядел значительно уже его в плечах. Едва Андромеда появилась у фонтана, как мужчина поднялся и поклоном поприветствовал княгиню.

Андромеда отметила, что в поклоне незнакомца не было услужливости. Его поклон – лишь дань этикету.

Это был граф Шнайдер.

– Добрый вечер, граф, – казалось, встреча обрадовала Андромеду. – Я полагала, что в саду никого нет. Не ожидала застать вас здесь сегодня.

Кроны деревьев на площади у фонтана расступались, и лицо Андромеды осветилось тусклым солнечным светом. Длинные белые локоны, бледное аристократическое лицо, чуть раскосые голубые глаза со взглядом решительного человека... длинное узкое платье белоснежного цвета и серебряное кольцо с подвеской в форме раковины наутилуса. Андромеда была поистине прекрасна.

– Да, я редко выхожу подышать свежим воздухом.

– Это неудивительно, – понимающе кивнула Андромеда. – Война на севере, набег кочевых племен на западе, да еще эти два графа, не поделившие речные земли... у тайной канцелярии слишком много дел.

– У нас всегда много дел, – капюшон по-прежнему скрывал лицо графа, но по его голосу княгиня поняла, что он улыбается. – Однако я стараюсь не покидать стены дворца по иной причине.

Андромеда непонимающе склонила голову набок.

– Ваше Величество... – граф слегка смутился. – Я не прихожу сюда из-за вас.

– Вам неприятно мое общество? – резко спросила Андромеда, отступив на шаг.

– Нет, что вы! – поспешил отмахнуться граф. – Позвольте пригласить вас на прогулку по саду. И я вам все расскажу.

Граф сделал приглашающий жест в сторону кипарисовой аллеи. Андромеда, нахмурившись, согласилась продолжить прогулку.

– Раньше мы с вами очень часто виделись в этом саду. Волшебное это место. Я отдыхаю здесь от канцелярщины, а вы – от надзора супруга и его шпионов.

– Прошу вас, переходите к сути, – тихо сказала Андромеда, чувствуя в словах графа подвох. – Мы давно стали друзьями и всегда старались быть честными друг с другом.

– В этом и дело, моя госпожа. В то время как наша дружба крепчала, ослабевал ваш брак с князем.

– Я просто перестала бояться супруга и его дворян, – призналась княгиня. – Он мне отвратителен с того самого дня, как выбрал меня невестой.

В воздухе витал чудесный аромат хвои, и казалось, что Андромеда и граф находились не в сердце столицы, а в далеком от нее дремучем кипарисовом лесу. Наверное, Андромеда любила северный дворцовый сад как раз за эту красивую иллюзию, позволяющую представить себя совсем в ином месте... времени... может быть, даже вообразить себя другой личностью.

– Многие девушки готовы на все, чтобы занять место Вашего Величества. Неужели вы не обрадовались, когда князь Мэруин выбрал вас?

Андромеда прикрыла глаза и слегка опустила голову. Она углубилась в воспоминания.

– Мы никогда не говорили об этом, граф...

– Моя госпожа, прошу вас извинить меня...

– Не извиняйтесь, ваше превосходительство.

Андромеда сжала губы.

Она ни с кем не делилась своей историей. Даже с графом Шнайдером, который давно стал ей если не другом, то довольно близким человеком. Они действительно могли бы стать друзьями... очень хорошими друзьями... Но эта дружба подвергла бы графа Шнайдера смертельной опасности. Поделиться с графом своей историей – значит нарушить ту спасительную для него дистанцию, которую она так усердно сохраняла.

Открыть правду можно... Но только нужно это сделать так, чтобы граф не расценил ее рассказ как знак особой благосклонности.

– Вы думаете, в шестнадцать лет я была просто глупой девчонкой? – спросила Андромеда и удивилась от того, как неожиданно грубо прозвучал ее вопрос. – Думаете, меня соблазнила

перспектива стать княгиней? Вы думаете, мне нравилось чувствовать зависть других претенденток?..

– Госпожа, прошу извинить мою дерзость... – снова попросил граф.

Но Андромеда его не слушала.

– Никто из подруг не завидовал мне! – выпалила она. – Ведь меня вовсе не выдали замуж за князя Мэруина, меня продали ему! Отец и мать отдали меня как залог собственной безопасности!

Граф Шнайдер ответил не сразу. Может быть, откровение Андромеды шокировало его. А может быть, он тщательно подбирал слова, чтобы снова не вызвать гнев княгини.

– Вашего мнения никто не спросил?

Тон графа оставался ровным, а в его голосе не слышалось жалости. И Андромеда была признательна ему за это. Однажды ей уже пришлось пережить слезы и горестные причитания родных и друзей. Как же это было неприятно! Это ее продавали, выдавали замуж за нелюбимого мужчину! Ее, а не их! Разве эти люди имели право страдать?!

– У меня не оставалось выбора... – тон княгини стал спокойнее. – Князь Мэруин угрожал разорить мое герцогство... А к тому моменту он уже покорил все королевства, графства, вольные города... и мое герцогство, последнее суверенное государство Востока, не могло ничего противопоставить его мощи.

Андромеда непроизвольно сжала в ладони подвеску на колье. Серебряный наутилус. Мать подарила его на прощание, чтобы Андромеда никогда не забывала о родном доме. Поднявшись на борт корабля Мэруина, будущая княгиня испытала порыв выбросить амулет в море... Но сохранила его. Потому что, кроме этого колье и воспоминаний, у нее больше ничего не оставалось.

– Князь Мэруин любит вас, моя госпожа, – осмелился возразить граф.

– Он любит только себя, – отрезала Андромеда. – Он поставил на колени многие народы и не может простить себе, что не способен завоевать покорность всего одной-единственной женщины.

– Ох, он мог бы, – тяжело вздохнул граф. – Если бы он по-настоящему взялся за вас, то вы бы сдались. Князь Мэруин умеет ломать гордость, убивать рассудок... Но он оставил вам волю выбора как раз потому, что вы ему по-настоящему дороги.

– Это не добавляет ему чести...

– Вы единственная слабость Мэруина. От того, что вы от него отворачиваетесь, страдает народ. Князь вымещает злобу на подданных. Народ считает, что у Мэруина нет сердца. Но мы-то с вами знаем, моя госпожа, что сердце у нашего властелина есть. И ключ к нему – вы.

– Что вы хотите сказать, граф? – насторожилась Андромеда.

В парке почти стемнело, и из его глубины послышалось стрекотание сверчков. Обычно в это время княгиня Андромеда уже возвращалась во дворец. Она уже начала настороженно оглядываться: не хватились ли ее.

– Если бы вы ответили взаимностью князю, то смогли бы помочь стране. Сейчас тысячи судеб зависят лишь от ваших... капризов. Простите мою дерзость, Ваше Величество.

– Вы не понимаете! – повысила голос Андромеда. – Князь Мэруин не вызывает у вас такого же отвращения, как у меня!

Княгиня брезгливо скривила лицо, когда представила перед глазами образ супруга.

– Семь лет назад он заявился в мой родной дом и потребовал выдать меня ему как... как какую-то вещь! Как бездушный товар, как рабыню из вольных городов! А тех, кто отважился вступить за меня, он просто убил. Он даже не удостоил их чести быть казненными через отсечение головы: он просто повесил моих дорогих подруг и жениха, как каких-то воришек! И вы хотите, чтобы по отношению к этому чудовищу я проявила покорность?

– Прошу, задумайтесь о подданных! – снова осмелился возразить граф.

– Это не мои подданные! – оскорбленно воскликнула княгиня. – Моих подданных украли у меня семь лет назад! Я распрощалась с ними так же, как распрощалась с семьей, дорогим сердцу герцогством и свободой. Поймите меня, добрый друг, я чужая в этом крае, я лишь трофей из далекой страны!

Андромеда и граф увлеклись беседой и не заметили, как совершили круг и вернулись к фонтану. Фонтан представлял собой мраморную горку, сложенную из затейливых морских раковин. Вода с мирным журчанием стекала по ним, орошая мраморные жемчужины, и в тусклом солнечном свете переливалась бликами, словно слеза. Граф предложил присесть, но Андромеда отказалась: становилось холодно, пора было возвращаться во дворец.

– Граф, если вы действительно уважаете меня... – тон Андромеды стал тише. В ее голосе впервые послышалась мольба. – Если вы и правда мне друг... помогите мне бежать отсюда... Пожалуйста...

Андромеда сама не поняла, как эти слова сорвались с ее языка. Она никогда прежде не делилась ни с кем своими переживаниями и, конечно, никого не просила решиться ради нее на такое опасное дело. Всею виной перемена погоды. Гроза. Она слишком пагубно влияет на Андромеду, заставляет ее быть откровенной.

Граф задумчиво склонил голову.

Горизонт озарила неяркая вспышка молнии.

Какая же она глупая! Граф служит князю Мэруину, а не ей. Он ни за что не пойдет против воли государя. Кроме того, он член тайной канцелярии! Граф обязан заботиться о благополучии всего государства, а не о личных интересах княгини. Об этом же он и говорил на протяжении всего вечера, стараясь вразумить Андромеду! Какая же она глупая!.. Теперь граф обязательно сообщит князю о ее непокорности.

– Способны ли вы представить, что ждет эту страну? – спросил граф после минуты раздумий. – Князь Мэруин будет искать вас всюду. Он станет пытаться и убивать. Не одна сотня голов упадет с плеч, не одна тысяча судеб окажется покалеченной...

– Граф... Прошу вас...

Голос Андромеды становился все тише. Уголки ее красивых голубых глаз наполнились влагой, а губы дрогнули.

Андромеда думала, что ее сердце зачерствело. Последние слезы она пролила много лет назад и до этого дня не давала выход чувствам. Зачем слезы, страдания... если ничего изменить нельзя?

Никогда еще Андромеда не чувствовала себя настолько близкой к свободе. Сейчас или никогда.

– Да, моя госпожа, – граф поклонился. – Я сделаю все, чтобы помочь вам.

Слова графа потонули в оглушительных раскатах грома, а последовавший за ними резкий порыв ветра ударил в лицо Андромеде, растрепав ее длинные локоны.

Андромеда смахнула слезу и снова подняла взгляд на графа:

– Правда?

Происходящее казалось прекрасным сном. Еще минуту назад она и подумать не могла, что кошмарная жизнь в столице может когда-нибудь закончиться. А сейчас... за какие-то несколько мгновений ее положение невероятно изменилось.

– Операция начнется в полночь, моя госпожа, – лицо графа по-прежнему оставалось в тени, но по его дрогнувшему голосу княгиня поняла, насколько нелегко ему далось такое решение. – Как только часы пробьют двенадцать, выходите из покоев в Княжескую Трапезную. Если меня там не окажется, отправляйтесь в кабинет князя Мэруина. Пожалуйста, сохраняйте осторожность. Постарайтесь скрыть, что встречались с кем-то в парке. И ради всего святого, не затевайте ссору с князем. Я знаю, вы видите с ним нечасто, но редкие ваши встречи оборачиваются...

– Да, я понимаю, – Андромеда старалась не терять времени. – Это может помешать.

– Не только поэтому. Князь Мэруин любит вас, моя госпожа. Он заслужил хоть немного снисхождения и добра.

Андромеда никак не отреагировала на эти слова.

– До свидания, мой верный друг! – воскликнула она.

– До скорой встречи, моя госпожа...

## 2.

Когда княгиня вернулась во дворец, за окнами уже совсем стемнело. Тусклое пламя светильников подрагивало на ветру, что свободно гулял по бесконечному лабиринту коридоров. Андромеда сразу направилась к себе в покои: ей предстояло подготовиться к долгой дороге. Путь в комнату лежал через Княжескую Трапезную, которая, как полагала Андромеда, к этому часу уже должна была опустеть. Но княгиня ошибалась.

В Княжеской Трапезной собралось не менее тридцати человек: все они расселись вокруг большого круглого стола из красного дерева и внимательно слушали князя Мэруина.

Этот зал отличался особой пышностью: стены покрывала золотая парча, и из этой же ткани красного цвета были сотканы портьеры, украшенные замысловатым растительным орнаментом. У четырех выходов гордо выстроились флагштоки с алыми гербовыми флагами государства, которые прекрасно гармонировали с цветами зала. На столе Андромеда разглядела только вино и вазы с фруктами: похоже, придворные собрались не на званый ужин, а на совещание с князем. Впрочем, букеты хризантем, украшавшие стол, создавали атмосферу неформальной беседы.

Когда лакеи закрыли за Андромедой двери, послышался громкий скрежет отодвигаемых кресел: собравшиеся поднялись из-за стола, чтобы поприветствовать княгиню.

– Добрый вечер, государыня.

Низкий бархатный голос супруга заставил Андромеду вздрогнуть.

– Добрый вечер, мой повелитель.

Князь Мэруин обращался к Андромеде как к равной себе – «государыня». Но сама Андромеда никогда не упускала возможности продемонстрировать власть князя над собой и обращалась к нему не иначе как «мой повелитель» или «мой господин».

Мэруин был высоким, широкоплечим мужчиной, в котором чувствовались сила и власть. Его густые черные волосы уже тронулись легкой сединой, а кожа на строгом лице с прямоугольным подбородком и жесткими щетинистыми бровями начала иссушиваться. Так князь расплачивался за участие в бесчисленных битвах и далеких военных походах. Одет князь был в роскошный алый дублет<sup>1</sup> с низким воротом и длинными рукавами. Его богатая золотая вышивка, отдаленно напоминающая металлическую броню, изображала символ государства – льва, облаченного в доспехи и сжимающего в когтях перекрещивающиеся меч, копьё и стрелу.

– Любезные гости, – обратилась Андромеда к присутствующим, – прошу вас, присаживайтесь. Я сегодня не голодна и не стану обременять вас своим присутствием.

Мэруин нахмурился: ему не нравилось, когда Андромеда изображала несчастную заложницу на глазах у придворных.

– Дорогая Андромеда, – с нажимом сказал Мэруин, – мы собрались вовсе не для трапезы. Простите, присоединяйтесь к нам. Нас ждет интересный разговор.

Андромеде ничего не оставалось, кроме как занять свое место рядом с Мэруином. Следом за князем и княгиней сели и все остальные.

– Мы говорили о том, что мой брат вновь доставляет нам неприятности.

---

<sup>1</sup> Дублет – приталенная мужская куртка, застегивающаяся спереди на пуговицы. Изначально предназначался для надевания под доспех и смягчения ударов. Затем приобрел воротник-стойку и стал носиться в качестве элемента светского костюма.

– У него остались для этого ресурсы? – осведомилась Андромеда, тут же войдя в курс дела.

Сегодня Андромеда с трудом могла представить, что некогда ее супруг правил не единолично, а разделял власть вместе с младшим братом по имени Тэруин. Именно вместе с ним он присоединил к своему княжеству все независимые народы Востока. Завоевания братьев остановили лишь горы на севере и кочевые племена на западе – все прочие королевства, княжества, герцогства и вольные города склонились перед волей князя Мэруина и князя Тэруина.

После эпохи завоеваний государство сотрясали волнения: покоренные народы стремились сбросить оковы братьев. А девять лет назад разгорелся конфликт и между самими князьями. Андромеда не знала, что именно послужило причиной раздора – эту тайну князь Мэруин не доверил даже самым близким сподвижникам. Однако последствия этого разногласия оказались катастрофическими.

Князь Тэруин был вынужден бежать из Княжеского Дворца. Вскоре он объявился на севере, где сумел объединить под своим знаменем несколько графств, тем самым отняв у брата часть земель.

С тех пор прошло уже девять лет, однако война между братьями еще не окончена: князь Мэруин так и не сумел вернуть север под свой контроль.

– Моя госпожа, – подал голос министр казначейства, – этот трус ведет войну подлыми методами. Он заполонил рынок нашего княжества дешевыми контрабандными товарами. Ваши подданные предпочитают покупать их и тем самым своими руками жертвуют князю Тэруину средства для продолжения войны. А тем временем наши ремесленники и крестьяне теряют спрос и разоряются.

– При этом народ истощен и не желает продолжать войну с предателем, – добавил первый министр. – В народе ходят опасные... нежелательные слухи. Поговаривают, что подати, которые взимает предатель, гораздо ниже, чем те, что собирает наш государь. Крестьяне вольны рубить лес, сколько им вздумается, и не отдают за это ни гроша в казну. Помещики северного княжества отводят для их нужд больше земель, чем наши. А голод, говорят, не случается даже в неурожайные годы, потому что предатель бездумно раздает зерно из городских хранилищ.

– Наши крестьяне и мещане сетуют на гнет помещиков и сановников, – вступил в разговор третий придворный. – Нашим войскам все чаще приходится отлавливать крестьян, бегущих на север.

Андромеда нежно улыбнулась и жестом распорядилась налить себе вина:

– Наш враг Тэруин опасен не потому, что угрожает продолжить наступление на юг. Князь Тэруин опасен потому, что образ его добродетели проник в умы нашего народа. Я правильно поняла вас, друзья?

Удивительно, как точно Андромеда в нескольких словах описала проблему, которую не смогли сформулировать три министра. Речь Андромеды всегда отличалась лаконичностью.

– Да, Андромеда, – кивнул Мэруин.

– Стало быть, на то есть причины.

Этими словами Андромеда согласилась с обоснованностью слухов. А это была настоящая дерзость по отношению к князю. За столом воцарилось молчание. Первый министр побледнел и опустил взгляд. Те придворные, которые не были обременены государственной службой и не несли ответственность за обстановку в стране, наоборот, заинтересованно переводили взгляд с Андромеды на супруга, ожидая продолжения речи первой или ответа второго.

– Полагаю, вы, господин первый министр, хотели сказать, что люди недовольны текущим положением дел, – продолжала Андромеда. – Однако, с другой стороны, найдется ли период в истории, когда подданные проявляли благодарность и покорность? В любой эпохе и при любом правителе найдутся недовольные. Вы согласны со мной?

– Да, моя госпожа, – раболепно ответил первый министр. Речь Андромеды, сначала чуть не стоившая ему службы, теперь стала для него спасительной.

– Так почему же в княжестве Тэруина мы не наблюдаем недовольства и мятежей? – Андромеда театрально развела руками, показывая, что вопрос адресован ко всем присутствующим.

– Потому, я бы сказал, что все силы подданных Тэруина уходят на борьбу с нами, – послышался тонкий голос с противоположного края стола.

Андромеда обернулась на голос. Он принадлежал паладину Брутусу – советнику Мэруина. Когда война за север только разгоралась, семья Брутуса оказала Княжескому Дворцу щедрую поддержку. В благодарность князь Мэруин даровал паладину высокую должность. Впрочем, Брутус выполнял обязанности советника лишь условно: на деле князь никогда к нему не прислушивался.

Брутус был крайне не уверен в себе: он говорил быстро, заикался и загрязнял речь бессмысленными выражениями, как бывает со всеми, чья речь опережает ход мыслей. К тому же природа не наградила Брутуса привлекательностью: он был невысок, толст, а лицо его отличалось кривым носом и пухлыми губами. Взгляд Брутуса всегда направлен в пол: во время разговора паладин никогда не поднимал глаз на собеседника.

Однако, когда в окружении князя речь заходила о военных или карательных операциях, в глазах Брутуса загорался азартный огонь. Паладин ошеломлял придворных склонностью к неоправданной жестокости. Во время разговоров о насилии голос паладина становился громким, почти что восторженным, а недостатки речи исчезали. Брутус присутствовал на всех дворцовых пытках и казнях, а многие из них проводил сам: вид страданий и крови доставлял ему нездоровое удовольствие, которое он даже не скрывал. Нечего говорить, что этот человек вызывал особенное недоверие у княгини Андромеды.

– Верно, – отвечала Андромеда Брутусу, скрывая неприязнь под маской любезности. – Но позвольте мне сделать маленькое дополнение: подданные князя Тэруина добровольно приносят себя в жертву. Князь Тэруин и его сподвижники проделали хорошую работу, чтобы внушить жителям завоеванных земель страх перед нашим государем. Поэтому северяне уверовали, что война с князем Мэруином – их святая миссия. И во благо этой почти что фанатичной мечты они покорно мирятся с властью Тэруина – клятвопреступника и узурпатора.

– Значит, вы полагаете, Ваше Величество, – произнес военный министр, – что предатель Тэруин ведет двойную игру? Война, которую он развязал, не только ослабляет наше княжество, но и поддерживает порядок на севере?

Все это время князь Мэруин не сводил взгляда с Андромеды. Супруга редко занималась политикой, и сейчас у князя появилась возможность оценить ее чутье и мудрость. Время от времени он еле заметно кивал, внимая словам княгини.

– Да, ваше превосходительство, – ответила Андромеда.

– Что же вы предлагаете, Ваше Величество? – настороженно спросил первый министр.

– Последовать примеру Тэруина, – лукаво предложила княгиня.

В разговор снова вступил паладин Брутус:

– То есть, я бы сказал, мы должны создать для нашего народа своего врага?

– Именно.

– Наше княжество и так ведет войну с предателем Тэруином... – начал было первый министр.

– Вы не о том враге думаете, ваше превосходительство, – прервал его Брутус. – Предатель Тэруин не сможет стать для народа, я бы сказал, подходящим врагом. Народ восхищается этим князем.

– Паладин Брутус прав, – согласилась Андромеда. – Уже поздно пытаться очернить образ князя Тэруина перед нашими подданными. Кроме того, наше войско едва ли в состоянии про-

должать наступление на север. Однако врага, который сплотил бы народ, можно найти и внутри княжества, среди населения... Им может стать меньшинство, к которому и так никто не питает теплых чувств. Друзья, я говорю о подданных, которые исповедуют западную веру.

За столом на некоторое время повисла тишина. Иноверцы и еретики – головная боль Княжеского Дворца. Конфликты на религиозной почве разгорались по всей стране, зачастую перерастая в крупные столкновения, которые можно было остановить только силами армии.

Князь Мэруин закрыл глаза, будто пламя свечей вдруг стало для него слишком ярким. Происходящее на совете выходило из-под его контроля. Зачем Андромеда вспомнила про иноверцев? Что она задумала?

– Ваше Величество, – Брутус нервно сжал пальцы в замок и с откровенным обожанием уставился на княгиню, – вы хотите, я бы сказал, представить еретиков в качестве виновников наших несчастий?

– Цель оправдывает средства, – ласково пропела Андромеда. – Можно принести в жертву меньшинство ради единства большинства. К тому же, если мы добьемся желаемого, еретики и иноверцы начнут стекаться в княжество Тэруина – единственное безопасное место.

– ...и Тэруина можно будет представить в качестве их защитника... – кровожадная улыбка Брутуса стала напоминать оскал. – Тогда наш народ сам обернется против него!

Андромеда кивнула, давая понять, что Брутус верно выразил ее мысль. За столом снова воцарилось молчание. Все ждали ответа князя Мэруина на предложение супруги. Некоторые придворные, не приняв слова Андромеды всерьез, потеряли интерес к собранию и вернулись к поеданию фруктов.

– Очень необычная стратегия, – князь Мэруин задумался.

– Ваше величество... – снова заговорил Брутус, обращаясь к князю. – Вы согласны воплотить план Ее Величества?

Брутус поерзал в кресле: ему уже не терпелось действовать.

– Княгиня Андромеда – моя супруга. Ее слова имеют такой же вес, как и мои.

Улыбка Брутуса стала еще шире.

– Ваше Величество... в таком случае позвольте мне самолично возглавить это дело!

Князь Мэруин выразительно посмотрел на Андромеду, предоставляя ей возможность решить этот вопрос. И тут же понял, что совершил непоправимую ошибку.

Преследования иноверцев... назначение Брутуса... Андромеда явно имела личную выгоду от этой стратегии. Но какую?

– Разумеется, паладин Брутус. Вы заслужили это.

Значение слов Андромеды дошло до придворных не сразу. Но один за другим присутствующие прекращали жевать и поворачивались в сторону Брутуса. Даже Мэруин не смог скрыть подозрений и нахмурился. Он понимал, что Андромеда не глупа, чтобы без веских причин разрешить самому жестокому дворянину устроить охоту на тысячи людей. Но в таком случае, что же это за причины? Какую игру ведет княгиня?

Князь Мэруин с наигранным добродушием усмехнулся и постарался разбавить повисшее напряжение:

– Государыня, раз уж вы так красноречивы этим вечером, то, быть может, еще и предложите тост?

Андромеда кивнула и поднялась из-за стола. Собравшиеся последовали ее примеру. Придворным хотелось немного отвлечься от тревожного предчувствия, вызванного назначением Брутуса.

– Слышите раскаты далекого грома? – загадочно спросила Андромеда, поднимая бокал. – Дождь приходит на смену засухе. Осень сменяет лето. Времена года чередуют друг друга, чтобы с перерождением природы у нас появлялся шанс очиститься душой и начать все сначала. Этой ночью гроза очистит всех нас. Утром мы окажемся совсем в другом мире.

– За новый мир! – торжественно повторил князь Мэруин.  
– За новый мир! – ответили ему хором три десятка голосов.

Андромеда тоже улыбнулась и поднесла бокал к губам.

«О, не сомневайтесь! – думала она, чувствуя сладкий вкус реванша. – Новый мир наступит для всех нас. Вы окажетесь в мире открытого террора и больше нигде не сможете чувствовать себя в безопасности. Сам Мэруин ощутит беспомощность, когда его подданные начнут убивать друг друга. Все вы испытаете то, что приходилось чувствовать мне и моему герцогству. А я... окажусь в мире, где нет страха, жестокости, лжи и интриг».

### 3.

Совещание подошло к концу.

По правилу этикета князь Мэруин и княгиня Андромеда первыми поднялись из-за стола. Затем свои места покинули придворные. После обмена любезностями обитатели дворца начали стекаться к выходу из Княжеской Трапезной. Однако один гость не спешил уходить.

Паладин Брутус застыл почти у самых дверей, и придворным, чтобы покинуть зал, приходилось его обходить. Но Брутус не замечал, что доставляет кому-то неудобства. Он сцепил толстые короткие пальцы в замок и полузакрыв глаза. Придворные, проходя мимо Брутуса, поздравляли его с новой должностью. Паладин ничего не отвечал, но при каждом поздравлении его пухлые губы расплывались в улыбке удовлетворения.

Наконец последний гость покинул Княжескую Трапезную. В зале остались только Андромеда, князь Мэруин и паладин Брутус.

– Вы не утомились, ваше превосходительство? – усмехнулась Андромеда, вежливо намекая паладину, что ему пора покинуть зал.

– Я бы сказал нет, Ваше Величество, – ответил паладин Брутус.

Андромеда замерла, ожидая продолжения речи паладина. Однако Брутус снова полузакрыв выпуклые глаза и будто бы забыв про присутствие Андромеды и Мэруина.

– Я бы просто хотел спросить... – вдруг сказал он.

Мэруин задумчиво наклонил голову набок и оперся руками о спинку кресла. Андромеда не сдвинулась с места.

– ...когда можно действовать? С чего прикажете начать?

– Поступайте так, как считаете нужным, – благосклонно ответила Андромеда. – Если у вас остались вопросы, вы можете обратиться ко мне... завтра.

– Я бы сказал... – начал было Брутус, но Мэруин оборвал его на полуслове:

– Брутус, княгиня Андромеда утомилась. Сегодня вечером она и так достаточно много сделала для вас и вашего самолюбия. Оставьте ее.

Андромеда уловила неприметное движение: Брутус крепче сжал пальцы. Когда же он заговорил, голос его стал напряженным, будто бы его грудь что-то сдавило:

– Повинуюсь, мой государь.

Брутус сделал неуклюжий полупоклон и покинул Княжескую Трапезную. Грохот тяжелых дубовых дверей эхом разнесся по западному крылу дворца.

Андромеда вздохнула. Она не знала, что для нее хуже – присутствие Брутуса или разговор наедине с Мэруином. Но княгиня чувствовала, что она должна как-то отблагодарить супруга за избавление от паладина. И вообще, сказать ему несколько приятных слов. Ведь так хотел граф Шнайдер...

Андромеда внимательно взгляделась в лицо супруга.

Мэруин убрал руки со спинки кресла, расправил плечи и ответил супруге пристальным взглядом.

Какой тяжелый взгляд... Андромеда знала, что многие подданные не могли его выдержать. Когда они смотрели в глаза князю, они терялись: забывали слова, путали показания,

соглашались со всем, что он утверждал. Мэруин же говорил медленно, властно и редко моргал. Своим немигающим взглядом он вводил собеседника в транс, овладевал им...

Но на Андромеду не действовали эти чары.

Мэруин... думала княгиня, внимательно разглядывая лицо супруга. Этот человек принес в ее жизнь множество страданий, но тем не менее он стал неотъемлемой ее частью. Поэтому Андромеда не могла просто так уйти.

– Спасибо, мой... – Андромеда собиралась по привычке добавить «господин» или «повелитель», но не решилась, – мой князь. Я бы не смогла уснуть, если бы мне пришлось выслушивать планы этого странного человека.

Андромеда добродушно засмеялась.

Княгиня ожидала, что Мэруин улыбнется в ответ – он никогда не упускал возможности завоевать расположение супруги. Но князь лишь нахмурился. Когда он заговорил, голос его стал громким и суровым:

– Сегодня вечером вы переступили черту, государыня. Вы не любите меня, так причиняйте зло лично мне. Народ не должен страдать из-за ваших эгоистичных порывов!

Мэруин ударил кулаком по столешнице, и бокалы жалобно звякнули. Где-то в глубине души князя просыпалась давно сдерживаемая ярость. Злоба, обида и бессилие стремились вырваться наружу, и Андромеда чувствовала, что супруг теряет самообладание.

А это было весьма некстати. Ведь если их разговор затянется до полуночи, граф Шнайдер не сможет начать операцию. Поэтому Мэруина нужно было срочно успокоить.

– Это лишь стратегия.

Андромеда подошла вплотную к Мэруину и взяла в свои руки его кулак – тот, которым он ударил по столу.

– Мой господин, – ласково пропела Андромеда, поглаживая его руку, – не следует принимать все на свой счет.

Мэруин расслабил пальцы.

– Вы забрали меня из дома, когда мне еще не исполнилось и семнадцати, – продолжала княгиня. – Я была девчонкой и не осознавала, что вы мне оказали великую честь. Но год за годом... я училась любить вас... понимать вас...

Мэруин разжал кулак и сцепил свои пальцы с пальцами Андромеды.

– ...и сейчас я всецело на вашей стороне, мой повелитель.

Андромеда была довольна собой. Она выполнила то, о чем ее просил граф Шнайдер, – она успокоила Мэруина и не оставила у него чувства вины. Пусть это станет маленькой платой за освобождение.

– Я боюсь потерять вас так же, как когда-то потерял брата, – прошептал Мэруин. – Мать, отец, брат... если вдруг судьба заберет у меня и вас, моя госпожа... я сойду с ума.

«Как можно рассказывать кому-то о своей слабости? – думала Андромеда. – Ты слаб... очень слаб, если зависишь от женщины. Но зачем ты признаешься в этом? Ты же знаешь: все, сказанное при дворе, будет использовано против тебя».

#### 4.

Андромеда открыла окно. В тот же момент в спальню проник ветер, который затушил свечи и погрузил комнату в полумрак. Время близилось к полуночи, но с неба так и не пролилось ни капли дождя. Тучи окутали небо до самого горизонта, и Княжеский Дворец со всех сторон обступила непроглядная тьма. Идеальные условия для побега.

Андромеда отошла от окна и сосредоточила взгляд на карте. Куда бы она могла отправиться?

Княгиня боялась бежать на Запад. На Западе раскинулись необъятные степи, служащие домом кочевым племенам. А за владениями кочевников раскинулись вольные города – удивительный край, знаменитый пряностями, шелком и традицией работорговли.

Все земли Востока, кроме севера, принадлежали князю Мэруину. Прежде здесь существовало множество суверенных государств. Но Мэруин и Тэруин – тогда они еще правили вместе – стерли их границы, убили правителей и предали забвению их имена. Сейчас все земли Востока находились под властью Мэруина. Скрываться здесь бессмысленно. Мэруин и его тайная канцелярия создали широкую сеть шпионов, и они отыскивали бы Андромеду, где бы она ни спряталась.

Северные земли Востока занимало княжество Тэруина. Бежать во владения деверя Андромеда тоже опасалась. Если Тэруин обнаружит княгиню в своих землях, то он превратит ее в инструмент жестокого шантажа. Скорее всего, князь постарается продать ее брату в обмен на признание северных земель своими.

Изучая на карте владения Тэруина, Андромеда задумалась: почему его княжество занимает всю северную часть равнины, но только южную оконечность гор? Почему Тэруин не распространяет владения на север, за горы?

Горы на севере возвышались непреодолимой стеной. Местные жители утверждали, что пытаться перебраться через них – это все равно, что стараться запрыгнуть на луну. На это могут отчаяться лишь безумцы. Однако... если горы нельзя перейти, то их можно обогнуть по морю.

Князь Мэруин несколько раз отправлял на север корабли, чтобы изучить земли за горами. Большинство из них не вернулось – несчастные путешественники нашли в неизвестных водах лишь гибель. Только одному кораблю удалось обогнуть горы, и его команда доложила князю о том, что обнаружила на берегу северных земель огни поселений.

Несмотря на то, что дворяне Мэруина тут же загорелись мечтой освоить северные земли, от дальнейших экспедиций отказались: они оказались разорительными для казны.

Значит... и на север путь заказан. Остаются островные земли. В том числе герцогство Ля-Шерлэ, где прошло детство Андромеды. Семья предала Андромеду, обменяв ее на независимость государства. Княгиня была зла на семью, но продолжала ее любить. Она безумно тосковала по отцу и матери, бабушкам и дедушкам... Ведь все эти люди на протяжении многих лет дарили ей любовь, ласку и тепло. Они научили ее доброте, милосердию и умению прощать... всем тем светлым качествам, что убил в ней князь Мэруин.

Ждет ли ее семья? Верит ли, что однажды Андромеда сможет вырваться из плена завоевателя?..

Из открытого окна послышался громкий удар колокола. Это куранты на часовой башне начали отбивать полночь.

«Операция начнется в полночь, моя госпожа. Как только часы пробьют двенадцать, выходите из своей комнаты в Княжескую Трапезную».

Пора.

5.

Андромеда укуталась в дорожный плащ и собиралась уже открыть дверь... Но ее рука повисла в воздухе, так и не коснувшись дверной ручки. Выйти из комнаты? Но ее спальню охраняют служанки! Как только Андромеда покинет покои, они направятся следом за ней. Ведь по приказу Мэруина после полуночи его супруга не могла передвигаться по дворцу в одиночестве.

В таком случае Андромеда не сможет встретиться с графом и сбежать.

«Выходите из своей комнаты...».

Граф не мог не знать, что к ней приставлен караул. Вероятно, он все предусмотрел.

Андромеда глубоко вздохнула и снова потянулась к двери.

А что если... граф действовал не в ее интересах?

Княгиня снова опустила руку и отступила на шаг.

Что если... это князь Мэруин подослал графа к Андромеде, чтобы выяснить, верна ли она супругу? Что если Мэруин все подстроил? Может быть, он только и ждал, пока Андромеда

решится на бегство, чтобы поймать ее с поличным, а затем использовать ее преступление как повод усилить надзор?

С другой стороны... во всем мире у Андромеды не осталось людей, на которых она могла бы положиться. Граф – последняя ее надежда. Другой возможности бежать может и не представиться. Поэтому лучше рискнуть всем сейчас, чем ругать себя за трусость всю оставшуюся жизнь.

Андромеда бросила прощальный взгляд на свои покои, которые долгое время служила ей убежищем и в то же время оставались тюрьмой. Набравшись смелости, княгиня толкнула дверь.

Служанок за ней не оказалось.

Княгиня переступила порог и оказалась в гардеробе. Она обернулась по сторонам, чтобы убедиться, что за ней никто не следит. Действительно, одна из служанок все еще присутствовала в комнате, однако, к удивлению княгини, она крепко уснула прямо на паркете. Вероятно, кто-то успел ее усыпить.

Пламя в светильниках продолжало гореть: значит, сон настиг женщину так внезапно, что она не успела ничего заподозрить. В противном случае служанка потушила бы огонь, тем самым сообщив дозорным с часовой башни, что с княгиней случилась беда и нужна помощь.

Андромеда вышла из гардероба, миновала рабочий кабинет и гостиную, после чего очутилась в Княжеской Трапезной. Подобно служанке, гвардейцы тоже мирно дремали, неуклюже раскинувшись на алом ковре. Однако кроме них в зале никого не оказалось. Где же граф?

Из трапезной вели четыре выхода, у которых величественно выстроились флагштоки с алыми гербовыми флагами. Одни двери вели в анфиладу Андромеды, вторые – в Пикетный Зал...

Андромеда подошла ко входу в Пикетный Зал и слегка надавила на дверь. Та не поддавалась. Андромеда надавила сильнее, но результат остался прежним. Дверь была заперта.

Очень странно. Обычно дверь в Пикетный Зал никогда не запирают – иначе князю и княгине не выйти из западного крыла дворца.

Княгиня подбежала к другой двери, которая вела на кухню. Но предчувствие подсказывало ей, что и эта дверь не откроется. Так и оказалось.

Осталась последняя дверь... которая вела в анфиладу личных комнат князя Мэруина. Андромеда была уверена, что граф не усыпил князя, – сделать это было невозможно из-за мер безопасности, а любое покушение привело бы к жестокой казни всех подозреваемых. Если Мэруин и спит сейчас, то по собственной воле.

«...Если меня там не окажется, отправляйтесь в кабинет князя Мэруина», – вспомнились ей слова графа.

Очень странные указания. Зачем идти в анфиладу человека, от которого хочешь сбежать? Андромеда решительно не понимала стратегии графа Шнайдера. Однако... если она решила положиться на его помощь, то следовало неукоснительно соблюдать его указания.

Андромеда сделала несколько неуверенных шагов в сторону спальни Мэруина. Княгиня прекрасно понимала, что любая ее ошибка грозит необратимыми последствиями. Если она случайно разбудит князя, операция провалится. Над ней усилят контроль, а графа вычислят и арестуют.

Княгиня наклонилась к караульному, чтобы забрать у него из рук копьё. Андромеда сомневалась в том, что могла бы отважиться угрожать князю копьём, но все же она не хотела заходить в покои супруга без оружия.

Но... что такое? Пальцы стражника слишком крепко вцепились в древко копьё. Не похоже на спящего человека. Андромеда прикоснулась к пальцам мужчины, чтобы расцепить их... и тут же отдернула руку. Пальцы оказались холодными. Взгляд Андромеды невольно сместился на лицо гвардейца... и тут Андромеду бросило в жар.

Губы и подбородок мужчины были обагрены запекшейся кровью.

Значит, графу было легче отравить дозорных, чем усыпить их.

Андромеда и Мэруин остались единственными живыми людьми в западном крыле дворца.

Отвратительно. Неужели все эти люди отдали жизни только ради того, чтобы Андромеда могла бежать? Их жены остались без защитников, дети – без кормильцев. И все ради мечты одной женщины...

«Князь Мэруин будет искать вас всюду. Он станет пытаться и убивать. Не одна сотня голов упадет с плеч, не одна тысяча судеб окажется покалеченной»... Да, граф предупредил, что ее бегство обернется страданиями для народа. Но Андромеда стала бы виновна в них лишь косвенно: ведь это не она, а Мэруин будет мучить подданных. Эта логика успокаивала Андромеду и не вызывала угрызений совести.

Другое дело – эти стражники. Их смерть – прямое следствие желания Андромеды сбежать из дворца. Княгиня ощутила тяжелое, сдавливающее грудь чувство вины и раскаяния. Теперь понятно, зачем граф запер двери. Чтобы дать ей время увидеть, что она натворила.

Справившись с эмоциями, Андромеда все-таки взяла копье и направилась к покоям Мэруина. Дверь, как и следовало ожидать, оказалась не запертой. Андромеда бесшумно преодолела темную анфиладу комнат, примыкавшую к спальне супруга, и остановилась в гостиной.

Княгиня на несколько мгновений замерла, чтобы глаза привыкли к сумраку. Как редко она бывала в этой части замка! Интерьер помещения с трудом узнавался в темноте, и Андромеда даже не могла разглядеть...

В темноте!

В комнате, примыкающей к рабочему кабинету Мэруина, светильники были потушены! Это значит, что стража перед смертью смогла предупредить дозорных об опасности.

Как только Андромеда это поняла, из Княжеской Трапезной донесся грохот: кто-то ломился в запертые двери. Удар повторился несколько раз, после чего западное крыло дворца наполнили шум тяжелых шагов и бряцанье доспехов. В Княжескую Трапезную ворвалась по меньшей мере дюжина солдат.

Андромеда быстро собралась с мыслями и спрятала копье за шторами. Постаравшись придать лицу непринужденность, княгиня поспешила прочь от кабинета Мэруина. Но не успела она покинуть и первую комнату анфилады, как на ее пути возник отряд гвардейцев.

В свете факелов караульные узнали княгиню Андромеду. Легкое недоумение на их лицах сменилось выражением крайнего удивления, когда солдаты поняли, что Андромеда находилась в комнате одна наедине с мертвыми стражниками.

В свою очередь, Андромеда уже придумала оправдание. В полночь она якобы слышала подозрительный шум в спальне государя и решила проверить, не случилась ли беда. К ее изумлению, все стражники западного крыла оказались убиты. Одержимая плохими предчувствиями, она направилась прямо в покои супруга, чтобы выяснить, что происходит.

– Ваше Величество? – один из караульных осмелился подать голос.

Андромеда постаралась придать лицу удивленное выражение.

– Ваше благородие?... – невинно спросила она. – Что здесь происходит?

Позади Андромеды скрипнула дверь кабинета. Княгиня обернулась и увидела на пороге Мэруина в сопровождении гвардейцев из личной охраны. Очевидно, шум разбудил князя.

– Я тоже хочу это знать, – властно сказал он.

Сердце Андромеды пропустило удар.

Все пропало.

Ее окружил караул. Графа Шнайдера, вероятно, уже арестовали. Какую бы красивую сказку Андромеда ни сочинила в оправдание, граф и его люди могут в любой момент признаться в содеянном.

– Мой господин... – пролепетала Андромеда, поворачиваясь к Мэруину.

Андромеда уже собиралась разыграть беспокойство и недоумение, но осеклась на полуслове. Краем глаза она уловила странное движение за спинами караульных. В сумраке княгиня не могла понять, что именно она увидела. Однако очевидно было одно: позади гвардейцев находилась другая группа людей. И, возможно, караульные об этом не знали.

У Андромеды оставалось несколько мгновений, чтобы принять решение: предупредить гвардейцев или нет.

И княгиня сделала выбор. Она промолчала.

В тот же момент головы нескольких караульных запрокинулись. Их глаза расширились от удивления, а рты открылись для крика...

Но с их губ не сорвалось ни звука.

Из-за спин караульных протянулись руки в длинных перчатках пепельного цвета. Каждая сжимала кинжал.

Андромеда закусила губу.

Металлический отблеск лезвий. Длинные раны. Кровь.

Колени караульных подкосились. Лица мужчин побледнели и исказились от выражения боли и ужаса. Один караульный запрокинул голову и зашелся в беззвучном крике, не в состоянии извлечь ни звука из вспоротого горла. Другой солдат протянул ладони к ране, тщетно сясь остановить пульсирующую струю крови. Третий собирался развернуться лицом к убийце, но успел лишь совершить полуоборот.

В следующее мгновение все гвардейцы, стоявшие в арочном проеме, рухнули замертво.

В комнате потемнело: факелы, что сжимали солдаты, покатались по полу.

«Кто эти люди? Неужели это покушение на князя? Святые небеса, как же не вовремя!»

Во тьме послышались крики и лязг металла. Завязалась драка.

Мэруин первый сообразил, что происходит. Он крепко взял Андромеду за предплечье и прошептал ей на ухо:

– Государыня, бегите в мои покои. Спасайтесь через потайной ход!

Вдруг комната озарилась ярким светом: упавший факел поджег портьеру, превратив ее в огненный столб. В свете пламени Андромеда увидела, что солдаты дворцового караула уже всю сражаются с неизвестными людьми.

Нападавшие оказались хорошо подготовленной группой бойцов. В отличие от гвардейцев, защищенных доспехами, незнакомцы были облачены в красно-коричневые рубахи, которые, похоже, помогали им незаметно передвигаться в ночи и свободно чувствовать во время боя. Лица бойцов скрывали черные полумаски.

– Государыня, бегите! – повторил Мэруин.

За минуту огонь охватил всю северную стену зала и принялся пожирать мебель. Сражение продолжалось прямо посреди пожара. Лица дерущихся быстро почернели от копоти, у одного из гвардейцев загорелись волосы. Неизвестные бойцы в красновато-коричневой форме продолжали заполнять комнату. Они подавляли караульных числом, заставляя тех отступать к кабинету Мэруина.

Андромеда наконец пришла в себя. Она развернулась, чтобы бежать... Но тут с потолка сорвалась горящая балка и с грохотом обрушилась поперек дверей, обдав князя и княгиню фонтаном жгучих искр. Паркет вокруг балки вспыхнул.

Дороги к отступлению не было.

Оставшиеся в живых караульные заслонили Мэруина и Андромеду полукольцом. Двое солдат, не выдержав жара пламени, потеряли сознание и упали навзничь. Остальные караульные были близки к этому.

Пот на лицах гвардейцев смешался с кровью, глаза напряженно шурились от яркого света пожара, руки беспомощно дрожали. Даже Андромеда, стоявшая не так близко к огню, ощутила острую нехватку воздуха. У нее начало мутнеть в глазах, и она почувствовала, что вот-вот потеряет равновесие.

По комнате распространился тошнотворный смрад – огонь добрался до погибших караульных.

«Зачем эти люди продолжают убивать солдат? – подумала Андромеда. – Им достаточно перекрыть нам выход, и мы все здесь умрем».

Тем временем атакующие прорвались сквозь заслон гвардейцев. Последние выжившие солдаты падали под ударами кинжалов. Сам Мэруин, совершенно безоружный, вступил в драку.

Но этот героизм был лишен смысла. Нападавшие окружили княгиню, отрезав от караульных и Мэруина. В тот же момент кто-то крепко схватил Андромеду за руки, не давая ей пошевелиться.

– Именем графа Шнайдера, не сопротивляйтесь, – сообщил ей на ухо один из неизвестных бойцов. – Все сделано ради вас.

У Андромеды отлегло от сердца.

Это нападение не было покушением на князя. Это инсценировка ее похищения. Все было задумано графом.

Андромеда успокоилась и еле заметно кивнула в знак того, что она все поняла.

В тот же момент раздался рев Мэруина. Андромеда инстинктивно обернулась и увидела, что князя ранили в живот. Мэруин, морщась от боли, схватился руками за рану и согнулся пополам.

– Мэруин!

Крик сорвался с губ Андромеды помимо ее воли. Она никогда в жизни не называла супруга по имени. Но сейчас княгиня не смогла сдержать порыва жалости.

Князь обернулся на голос Андромеды и обнаружил, что она в плену.

– Андромеда!

В крике Мэруина было столько боли, что сердце Андромеды сжалось от сострадания.

Святые небеса, что же она наделала!

Князь не знал, что это нападение – просто жестокий спектакль. Он искренне верил, что его супруга в смертельной опасности.

– Глупцы! – закричал Мэруин караульным. – Спасайте княгиню!

Но пока он произносил эти слова, последний караульный опрокинулся навзничь.

Мэруин превозмог боль и, прикрывая рану ладонью, сделал шаг в направлении супруги. Но едва он сдвинулся с места, как его ноги бессильно подкосились, и князь рухнул на колени.

– Андромеда!..

Княгиня лишь прикрыла веки, чтобы не видеть страданий супруга.

– Уводите меня, – приказала она нападавшим.

## Глава 2. Лабиринт

### 1.

Андромеда перешагнула порог Княжеской Трапезной и оказалась в Пикетном Зале. Сопровождавшие ее наемники тут же закрыли дверь, отрезав княгиню от супруга и пожара.

Пикетный Зал предназначался для развода дворцового караула. В помещении всегда царил атмосфера торжественности и силы. Стены здесь украшали не дорогие ткани, а барельефы: они изображали воинов, что скрывали лица за шлемами и держали наготове копьа.

В Пикетном Зале Андромеду ожидали два человека в красновато-коричневых плащах – граф Шнайдер и незнакомец, чье лицо скрывала полумаска.

– Княгиня Андромеда... – граф Шнайдер поклонился.

Наемники заняли места у всех четырех выходов, чтобы помешать любому, кто отважится прервать разговор Андромеды и графа Шнайдера.

– У нас неприятности, – раздосадовано констатировал граф. – Ваше Величество, верно, задается вопросом, зачем я инсценировал похищение?

– Я догадываюсь, – понимающе ответила Андромеда. – Если князь Мэруин когда-нибудь меня разыщет, я буду невиновна в его глазах. Но... вы заплатили слишком высокую цену за мое алиби.

Граф Шнайдер постарался приободрить княгиню:

– Есть и вторая причина. Анфиладу Вашего Величества стерегли гвардейцы. Если бы вы ступили хоть шаг из комнаты, об этом тотчас доложили бы князю Мэруину. У меня не оставалось другого выбора.

– Забудем об этом, – сказала Андромеда. Она понимала, что разговорами не исправить роковых ошибок сегодняшней ночи. – Вы говорили, что у нас неприятности.

– Верно. Дело в том, что я собирался лишь инсценировать похищение, но не мог предположить, что эти бестолковые наемники устроят пожар и ранят нашего князя!

Граф Шнайдер покачал головой:

– Огонь в покоях государя привлек внимание гвардейцев. Они перекрыли мост через озеро. Поэтому у вас не получится покинуть дворец... этим путем.

Андромеда подняла бровь:

– Этим путем? – переспросила она. – Разве есть другой выход из дворца?

– Есть, – загадочно улыбнулся граф Шнайдер. – Но он очень опасен. Мы можем погибнуть.

Сердце княгини забилося чаще. Слова графа Шнайдера взволновали ее, но не испугали. Отступать поздно: если Андромеда откажется от бегства, она не только навсегда простится с мечтой о свободе, но и окажет неуважение к тем, кто погиб ради нее.

Андромеда волновалась, но ее голос стал решительнее и громче:

– Ваше превосходительство, – торжественно обратилась Андромеда, – готовы ли вы пожертвовать жизнью ради меня?

– Да, моя госпожа, – граф Шнайдер снова поклонился.

– В таком случае не будем терять ни минуты. Вперед! Сегодня или никогда!

### 2.

Граф Шнайдер и следующие за ним Андромеда и незнакомец уже несколько минут спускались по узкой винтовой лестнице. Казалось, эта часть замка пустовала много лет. Воздух был неподвижен, а шаги незваных гостей легко поднимали копившуюся долгие годы пыль. Влажные стены покрывал белый налет – он походил на снег, но на самом деле являлся не чем иным, как солью.

Винтовая лестница уходила глубоко под землю и заканчивалась тесной круглой площадкой с единственным выходом – массивной железной дверью.

– Профессор Реджис, ключ по-прежнему у вас? – осведомился граф Шнайдер, когда все спустились.

– Да, ваше превосходительство, – ответил мужчина и извлек из кармана старый ржавый ключ.

– Профессор Реджис? – удивилась Андромеда.

Незнакомец отступил на шаг, поклонился и снял маску. В свете факелов Андромеда узнала придворного профессора. Профессор Реджис был далеко не молод, его волосы и борода уже успели поседеть, а лицо испещрили морщины. Однако придворный не растерял жизненную энергию. Его добрые дальнзоркие глаза внимательно изучали лицо Андромеды, как и несколько лет назад, когда княгиня была его ученицей.

– Вы мне помогаете?

– Ваше Величество, – с почтением обратился профессор Реджис, – я присягал на верность не только князю Мэруину, но и вам. Так что, помогая вам, я не нарушаю клятвы.

– Но... зачем?

Андромеда действительно не могла понять, каким образом графу Шнайдеру удалось убедить столько людей помочь ей бежать. Каждый из них рисковал не только службой, но и жизнью.

– С тех пор как вы закончили обучение у меня, я не прекращал наблюдать за вами, юная Андромеда. В этом дворце вы одиноки и несчастны. И год за годом вы становитесь все мрачнее... словно увядающий прекрасный цветок.

Андромеда еле сдержала улыбку: такие сравнения из уст математика звучали забавно.

Тем временем граф справился с замком и толкнул дверь. За дверным проемом стояла кромешная тьма.

– Все это очень поэтично, – заметил граф Шнайдер, – но сейчас не время для красивых историй. Проходите.

Андромеда только приготовилась перешагнуть порог, как ее окликнул профессор Реджис:

– Не спешите, юная Андромеда. За этой дверью уже много лет никто не бывал. Это может быть опасно.

Андромеда отошла от прохода и позволила графу Шнайдеру войти первому.

– Не рискуйте напрасно, – шепнул ей на ухо профессор. – На пути, который нас ждет, вам еще представится такая возможность.

Пламя факела осветило помещение за арочным проемом. Тьма, царившая здесь многие годы, неохотно отступила к стенам, и Андромеда увидела перед собой длинный черный туннель.

– Похоже, там безопасно, – констатировал профессор Реджис.

Андромеда перешагнула порог.

### 3.

Туннель привел беглецов в большой круглый зал – ротонду.

Этот зал сильно отличался от остальных помещений дворца и скорее походил на языческий храм. К удивлению Андромеды, в центре зала возвышалась большая мраморная гробница. По ее периметру разместились пустующие держатели для факелов и жертвенники. Похоже, что раньше здесь и правда проводились религиозные обряды.

Андромеда, изучавшая историю языческих народов, немного удивилась. Обычно храмы строились на возвышенности – холмах или горах. Таким образом жертва приносилась ближе к небу. Кроме того, в храмах обычно устанавливался только один алтарь. Зачем понадобилось

устанавливать здесь несколько – тоже непонятно. Вероятно, здесь проходили обряды такой важности, что на одном алтаре не хватало места для всех даров.

И, самое главное, почему это странное место находится прямо под княжеской резиденцией? Неужели... во дворце проживают отступники веры?

Андромеда оторвала взгляд от гробницы и осмотрелась по сторонам. Колоннада отбрасывала неестественно огромные дрожащие тени, а потому княгиня не сразу разглядела за ней статуи. Это были скульптуры языческих богов, выполненные из золоченой бронзы. Резкий свет факелов придавал лицам статуй суровость. Казалось, они разгневались на вторгшихся в их владения людей за то, что те нарушили их долгий сон.

А между статуй зияли чернотой некие арки... Насчитав две дюжины странных темных арок, Андромеда вдруг осознала, что ротонда соединяет множество коридоров, служа для них своеобразным перекрестком.

Княгиня также обратила внимание на то, что над каждой аркой переливался золотом некий символ.

Ротонду венчал массивный купол, украшенный бледной выцветшей фреской с картиной звездного неба. Однако фреска оставалась практически невидимой за огромной сетью паутины, по нитям которой спасались бегством сотни пауков, напуганных светом факелов. Андромеда тут же накинула капюшон, опасаясь, как бы эти резвые восьминогие зверюшки не посыпались ей на голову.

Осмотрев зал, Андромеда снова невольно обратила внимание на таинственные арки. При взгляде на двадцать с лишним черных проемов ей стало не по себе. Тем более что из одного прохода она уловила мерзкое дуновение сырости. Куда ведут эти коридоры?.. Что скрывается за ними?..

Тем временем граф запер изнутри дверь и произнес:

– Ну что же. Моя госпожа, вам знакомо это место?

Андромеда покачала головой, не отрывая взгляда от таинственных арок.

– Я так и думал. Итак, друзья, перед нами единственный тайный ход из дворца. Полагаю, вы успели заметить, как сильно это место отличается от дворцовых подземелий...

Профессор Реджис обошел гробницу и подошел вплотную к арочным проемам. Мужчина вглядывался в один коридор за другим, однако света факелов было недостаточно, чтобы осветить их.

– ...дело в том, что это место намного старше, чем дворец нашего князя. Посмею предположить, что оно старше, чем все города Востока. Этот зал – священный храм, построенный жрецами древних племен как место упокоения одного выдающегося вождя, – граф указал на гробницу. – В летописях мне встречались пересказы старых легенд о том, что однажды с севера, из-за гор, пришло некое зло... И, судя по всему, именно этот вождь объединил все враждующие племена и повел их за собой против... неизвестной нам угрозы. Легенды говорят, что после кончины вождя между племенами вновь развязались войны и междоусобицы. Однако это место оставалось священным для всех без исключения. В дни зимнего солнцестояния здесь собирались вожди всех племен, чтобы отдать дань великому предку. Неудивительно, что такое важное место хорошо спрятано. Чтобы защитить гробницу, жрецы построили лабиринт...

– Лабиринт? – с недоверием переспросила Андромеда.

– ...лабиринт, в конце которого жрецы и построили храм. Однако... шли годы. Племена и жрецы канули в лету, и над этим местом был возведен Княжеский Дворец. Языческий храм соединили с подземельями резиденции, и лабиринт стал сквозным. Сейчас это место служит тайным выходом из замка.

Профессор Реджис почесал затылок:

– Мне доводилось решать задачи о лабиринтах... – профессор задумался. – Многие из них оказываются довольно простыми, если знать некоторые хитрости.

– Какие хитрости, профессор?

– Когда заходишь в лабиринт, следует коснуться рукой одной из его стен – правой или левой. А затем идти вдоль этой стены, не отрывая от нее ладонь. Если мы угодим в тупик, то обязательно выберемся из него и продолжим путь к выходу. В конце концов, блуждая по паутине ходов и перекрестков, мы обязательно придем к...

– Благодарю вас, профессор Реджис, но у нас нет времени исследовать все подземелья! – воскликнула Андромеда.

Профессор осекся на полуслове. Граф усмехнулся:

– Хуже того, моя госпожа. У нас нет права на ошибку. Мы должны с первой попытки выбрать верное направление.

– Почему? – спросила Андромеда.

Граф прикрыл глаза.

– Жрецы, построившие лабиринт, полагали, что лучшая защита для храма – это умственная задача, а не физическая преграда. Найти храм мог только тот человек, который знал секретное слово – пароль. А слово это – ключ к лабиринту. Каждая арка перед нами – это возможная первая буква пароля. Если человек выбирает правильный коридор, он оказывается в следующем зале, где ему снова предстоит выбрать направление. На этот раз воспользовавшись второй буквой. И так до самого конца слова. Любопытно, но дорогу обратно к выходу из храма можно найти с помощью того же самого пароля. То есть идем ли мы по лабиринту в сторону дворца или наоборот, нам требуется знать одно и то же слово.

– То есть, знаки над арками – это буквы? – осведомился профессор Реджис.

– Так и есть.

– А в каждом зале лабиринта нам предстоит выбрать нужную букву?

– Именно так, профессор.

– Это не похоже на наш язык...

Пока профессор разговаривал с графом, Андромеда осмелилась подойти к таинственным аркам и взглянула на символы. Каждый символ был нанесен на стену золотой краской и даже спустя многие десятилетия не выцвел.

– Это руны старого восточного языка, – догадалась Андромеда.

– Ну, великолепно! – развел руками профессор Реджис. – Мы должны решить загадку на мертвом языке! Если не успеем – нас поймут гвардейцы. А если ошибемся... Да, кстати, что будет, если мы ошибемся?

– Ничего хорошего, – пожал плечами граф Шнайдер. – Только два коридора безопасны. Из одного мы только что пришли, а второй приведет нас в следующий зал. В остальных же прячется смерть.

– С-с-смерть? – переспросил профессор Реджис. – Но ведь это ненаучно! – недоумевал профессор. – Что вы имеете в виду, ваше превосходительство?

Граф прикрыл глаза, стараясь вспомнить предание.

– Все легенды говорят только о том, что в ложных коридорах путника ожидает смерть. Что это – неизвестно никому. Лучше и нам не знать. Однако... среди членов тайной канцелярии бытует мнение, что все ложные коридоры попросту заканчиваются тупиком. Также, возможно, коридоры оснащены ловушками – каменными мешками, убийствами<sup>2</sup>. Мы полагаем, стоит человеку зайти в ложный коридор, как срабатывает механизм и пол под ним переворачивается. Человек проваливается в каменный мешок и разбивается насмерть о его дно.

Андромеда отвела взгляд от арок и с надеждой взглянула на графа:

– Но у вас же есть план, верно? Иначе бы вы не привели меня сюда!

---

<sup>2</sup> Убийет – замаскированная яма, ловушка, с копиями внизу, направленными остриями вверх, или с ножами на колесе. Применялась в средние века в замках для «непрощенных гостей» и в тюрьмах для казни.

Граф Шнайдер сжал губы и покачал головой.

– Я член тайной канцелярии, и именно поэтому мне доверили секрет о существовании лабиринта. Но даже мне неизвестно заветное слово. Его знает только сам князь Мэруин. Полагаю, эту тайну ему передал отец как старшему из сыновей, – граф тяжело вздохнул. – Однако, моя госпожа, для вас нет другой дороги из дворца. Если вы хотите покинуть его, вам предстоит разгадать загадку. Вас обучали выдающиеся умы княжества, – граф почтительно кивнул профессору Реджису. – Должно быть, вы знакомы с древним языком.

Андромеда грустно улыбнулась. Последние несколько лет она усердно учила язык кочевых племен: князь Мэруин старался наладить с ними дружеские отношения. Неудивительно, что мертвый язык выветрился из ее головы.

– Я помню только алфавит... – честно призналась княгиня.

Профессор Реджис что-то недовольно промычал себе под нос, после чего тихо заметил:

– Во время обучения юная Андромеда проявляла блестящие способности в точных науках – арифметике, геометрии и астрономии, – заявил он с гордостью за ученицу. – Я советовал ей сосредоточиться на этих дисциплинах и прекратить бестолковое изучение мертвого языка.

Андромеда натянуто улыбнулась, чтобы скрыть неловкость. Граф Шнайдер слегка закаптал глаза:

– Очень надеюсь, профессор Реджис, что геометрия спасет нас, – сквозь зубы процедил он.

– Пойдите.

Андромеда постаралась разбавить повисшее напряжение. Она снова перевела взгляд на золотые символы и внимательно пригляделась к ним:

– Как давно был построен этот храм? – спросила она.

– Четыре века назад, – пожал плечами граф, не понимая смысла вопроса.

– За четыре сотни лет язык не успел сильно измениться... – задумалась Андромеда, стараясь вспомнить давно забытые правила. – Четыре сотни лет назад люди разговаривали на языке, который являлся промежуточным звеном между древним и современным восточными языками. Действительно, люди еще использовали руническую письменность, но их речь уже была похожа на нашу.

Профессор Реджис просиял:

– Значит, мы все-таки можем угадать слово!

– В древнем языке двадцать четыре руны, – задумчиво продолжала Андромеда. – Гораздо меньше, чем в современной письменности. Одна руна может означать сразу два звука. Например, «ы» и «и».

– Итак, двадцать четыре руны древнего языка... – повторил граф Шнайдер слова Андромеды. – Им соответствуют двадцать четыре коридора...

– Шанс выбрать верный равняется одному к двадцати четырем, – быстро откликнулся профессор Реджис. – То есть вероятность выжить равна приблизительно четырем процентам.

– И не забывайте, профессор, что это только первый зал, – напомнил граф Шнайдер. – Сколько таких впереди – нам неизвестно.

Андромеда прикрыла глаза и постаралась отвлечься от монотонного голоса профессора Реджиса.

Во дворце пожар. Князь Мэруин ранен. Гвардейцы обыскивают резиденцию в поисках «похищенной» княгини. Им известно, что Андромеда не могла исчезнуть из дворца: мост через ров перекрыли сразу же, как начался пожар. Когда станет ясно, что во дворце Андромеды нет, кто-нибудь из тайной канцелярии предположит, что преступники могли сбежать через подземный лабиринт... Мэруин направит сюда отряд гвардейцев, и для Андромеды все будет кончено.

Может ли она мыслить спокойно, когда на счету каждая минута?

Андромеда открыла глаза, и ее взгляд случайно остановился на статуе крылатого божества с вытянутыми в дуновение губами. Очевидно, это был идол одного из четырех богов ветра, сыновей звездного неба.

«Вот бы я была героиней древних мифов... – невольно подумала Андромеда, вспоминая легенды, которые рассказывала мать. – Как та праведница, которая заблудилась в ночи и нашла дорогу благодаря Белой Звезде. Или тот храбрый юноша, который спасся из лабиринта благодаря дуновению бога ветра. Но я не героиня легенд и, уж конечно, не чиста душой, чтобы высшие силы вступались за меня...»

Однако Андромеда не отрывала взгляда от статуи бога ветра.

Согнувшийся от мощного дуновения торс, взметнувшиеся крылья, напряженное лицо, прикрытые веки, вытянутые «трубочкой» губы... Это была не самая красивая статуя. Вытянутые губы и вовсе придавали лицу идола оттенок слабоумия.

И все же... Бог ветра... благодаря его дуновению храбрый юноша спасается из лабиринта... благодаря дуновению ветра...

– Ну конечно... – прошептала Андромеда. – Ветер! Когда мы вошли сюда, я почувствовала ветер!

Ее спутники обернулись.

– Ваше Величество?... – переспросил профессор Реджис.

– Граф Шнайдер сказал, что все ложные коридоры заканчиваются тупиками, – сказала Андромеда. – Значит, ветер может дуть только из нужного!

Лицо графа Шнайдера просияло.

«Спасибо!» – мысленно поблагодарила Андромеда статую.

– Но я не чувствую никакого ветра! – развел руками профессор Реджис.

Андромеда задумалась. И правда. Когда она только зашла в этот зал, она явно почувствовала дуновение ветра... но сейчас воздух в лабиринте застыл.

– Нужно создать сквозняк! – догадался граф Шнайдер. – Если открыть дверь в подzemелья, то воздух снова придет в движение!

Граф Шнайдер потянул на себя дверь, ведущую в подземелье дворца, и Андромеда попыталась уловить движение воздуха. Она переходила от одной арки к другой, и ей казалось, что она чувствует слабое дуновение сразу из нескольких коридоров.

– Я не могу определить, из какого именно коридора дует ветер! – озвучил ее мысли профессор Реджис.

– Могу сказать то же самое, профессор, – отозвалась Андромеда.

Граф Шнайдер вернулся к арочным проемам и посоветовал:

– Ваше высокоблагородие, пронаблюдайте за огнем факела. Он должен дрогнуть на настоящем ветру.

Профессор Реджис нахмурился:

– Ваше превосходительство, а что вы подразумеваете под словом «настоящий»?

– Я считаю, что мы часто принимаем желаемое за действительное. Возможно, ветер, который вы почувствовали, лишь игра воображения. Вы слишком сильно хотите его ощутить. Пламя факела не обладает таким развитым воображением, как у вашего высокоблагородия, и не подведет нас.

Профессор Реджис подошел к первому арочному проему и поднес к нему факел. Пламя свечи продолжало гореть ровно, без колебаний. Затем математик перешел ко второму проему. По-прежнему никаких результатов.

– Ваше превосходительство, – произнесла Андромеда, – а где заканчивается этот лабиринт? Почему из его выхода дует ветер?

– Лабиринт пролегает подо рвом и равниной, моя госпожа. Он заканчивается под театром одного из предместий.

– Получается, – сказала Андромеда, – из театра во дворец может попасть любой желающий?

– Ни в коем случае, – ответил граф. – Никто даже не предполагает, что вход в лабиринт как-то связан с Княжеским Дворцом. Тем более, чтобы преодолеть лабиринт, нужно знать пароль или, как мы, ориентироваться по ветру. Но дверь позади нас всегда заперта, так что сквозняка в лабиринте обычно не бывает.

У восьмой арки пламя факела заметно задрожало.

– Вот он! – радостно воскликнул профессор Реджис.

Андромеда подняла голову и увидела над аркой руны «#<sup>3</sup>».

– Эта руна означает звук «в», – объявила она.

– Замечательно! – улыбнулся граф. – Начало уже положено. Когда мы пройдем в следующий зал, мы выясним последнюю букву пароля. Помните, что я говорил? Чтобы найти храм или покинуть его, жрецы использовали один и тот же пароль. То есть в следующем зале мы выйдем из арки, обозначающей последнюю букву слова, и будем знать как начало, так и конец пароля.

Первым в туннель снова отправился граф Шнайдер. Андромеда и профессор Реджис остались у арки ждать сигнала, что дорога безопасна.

Факел в руке графа освещал холодные каменные стены, покрытые солью. Но затем огонь стал тускнеть, и вскоре силуэт придворного окончательно поглотила тьма.

Некоторое время Андромеда и профессор стояли у арки в ожидании. Княгиня старалась напрячь слух, чтобы расслышать звук шагов графа, но и это было тщетно.

Наконец из туннеля послышался голос графа Шнайдера, сообщающий, что путь безопасен.

Профессор Реджис, держащий факел, первый шагнул в коридор. Андромеда последовала за ним.

– Я тут посчитал... – доложил профессор Реджис, и его голос эхом разнесся по туннелю. – Предположим, слово состоит из четырех букв. В этом случае шанс выжить равен примерно один к двумстам восьмидесяти тысячам. А если слово состоит из семи букв, то вероятность спастись – один на три с половиной миллиарда...

Андромеда тяжело вздохнула.

#### 4.

Чем дальше беглецы углублялись в туннель, тем сильнее ощущался запах сырости. На стенах становилось все больше соли, и вскоре каменная кладка полностью скрылась под ее пушистым белым налетом. Затем Андромеда обратила внимание, что на полу то тут, то там появляются дурно пахнущие лужицы. Этих лужиц становилось все больше, пока наконец княгиня не обнаружила, что впереди коридор затоплен.

– Его превосходительство сказал, что мы находимся прямо подо рвом, – напомнил профессор Реджис. – Очевидно, когда этот лабиринт только строился, озера наверху еще не было. Оно было создано после завершения Княжеского Дворца.

Наконец туннель закончился, приведя беглецов в очередную ротонду. Однако она оказалась значительно меньше той, из которой они пришли. Здесь отсутствовали статуи, а купол не украшали фрески.

Весь пол в этом зале был затоплен. Видимо, вода здесь скапливалась годами, так как в прохладных подземельях не могла испариться.

---

<sup>3</sup> Феу, Феху – руна старшего и младшего футарка, а также англосаксонского футарка. В отличие от мира Андромеды, в письменности древних англосаксов могла означать как звук «В», так и звук «Ф».

Андромеде пришлось не по душе стоять по щиколотку в ледяной воде отвратительного цвета и запаха. Она надеялась как можно быстрее почувствовать дуновение спасительного ветра и выбраться в следующий зал.

– Моя госпожа, обратите внимание на руну, – посоветовал граф Шнайдер.

Андромеда приподняла голову, чтобы разглядеть руну над аркой, из которой они вышли. Над аркой бледно читался знак «#».

– Пламя стало тусклее? – спросила Андромеда. – Я еле могу разглядеть эту руну.

– Вовсе нет, – ответил граф Шнайдер. – Дело в воде. Взгляните.

Андромеда оглядела зал. Граф Шнайдер говорил правду. Многие руны из-за сырости заметно потускнели, а большинство и вовсе смыло водой.

– О нет...

– Хорошо, что мы можем и дальше следовать за ветром! – успокаивающе заметил профессор Реджис.

– Верно... – согласилась Андромеда. – Ваше высокоблагородие, пожалуйста, определите, откуда он дует.

Профессор Реджис начал обход по часовой стрелке. На этот раз пламя задрожало почти сразу – у коридора, помеченного руной «#».

– Прекрасно! – обрадовался профессор Реджис. – Наконец-то мы можем уйти подальше от этого скверного запаха!

Но Андромеда была другого мнения.

– Друзья, я боюсь, нам рано принимать решение. Я чувствую ветер из другой арки.

И Андромеда указала пальцем на арку, противоположную той, из которой они вышли. Над той аркой виднелась руна «#».

– Юная Андромеда, – снисходительно начал профессор Реджис, как будто Андромеда не могла решить задачу на его занятиях, – его превосходительство граф Шнайдер уже объяснил нам, что ветер из туннеля – это лишь игра воображения. Ориентироваться следует исключительно по огню факела.

– И все-таки подозрения Ее Величества – повод проверить и остальные туннели, – рассудительно заметил граф Шнайдер.

– Ох, мы же просто потеряем время! – пробурчал под нос профессор Реджис.

Он обошел еще с десяток арок и остановился перед той, на которую указала Андромеда.

И княгиня оказалась права.

Пламя задрожало.

– Что это значит? – возмутился профессор Реджис. – Вы говорили, что все ложные туннели заканчиваются тупиком!

– Граф лишь предположил это, – возразила Андромеда.

– Условия задачи изменились, профессор Реджис, – таинственно произнес граф.

Профессор Реджис продолжил обход. И не зря. Спустя семь ложных арок он обнаружил еще одну, из которой дул ветер.

– Итак, – заключил граф Шнайдер, – придется нам отложить теорию вероятности и заняться лексикой древнего языка.

– Что вы имеете в виду, ваше превосходительство? – профессор недоверчиво прищурился.

– Постараемся ориентироваться по рунам. Моя госпожа, что означает руна над той аркой, из которой мы вышли?

Андромеда пристально взглядела в руну «#».

– Друзья... – растерялась княгиня. – Не судите меня строго – я учила руны очень много лет назад...

– Вы не помните? – спросил профессор Реджис с такой строгостью, будто Андромеда посмела забыть какую-либо математическую теорему.

– Нет, я помню... Эта руна обозначает либо звук «д», либо звук «р». Мне больше кажется, что «р», но я не уверена...

Впервые за этот полный неожиданностей вечер Андромеда по-настоящему растерялась. Ох, знала бы она несколько лет назад, что ее свобода будет зависеть от знания рун!

– Итак... у нас хотя бы есть от чего оттолкнуться, – примирительно сказал граф. – Какие вы знаете слова, начинающиеся на «в» и заканчивающиеся на «р» или «д»?

– Ну-у-у... – задумчиво протянул профессор Реджис. – Возможно, это слово «вектор»?

– Я сильно сомневаюсь, что жрецы увлекались математикой, – скептически ответил граф Шнайдер.

– Веер? – Андромеда сказала первое, что пришло в голову.

– И дамским туалетом тоже, – добавил граф.

Андромеда не могла сосредоточиться – ледяная вода и запах гнили сильно отвлекали ее. Видимо, те же ощущения испытывал и профессор Реджис. Граф Шнайдер оставался по-прежнему хладнокровен.

– «Восход», «виноград», «водопад»... – говорила Андромеда. – «Вперед», «вред», «вид», «взвод» ...

– Уже хорошо! – обрадовался граф. – Не забывайте, что еще есть слова, заканчивающиеся на «р»: «вор», «выбор», «взор», «выговор» ...

– «Вампир»?.. – предположил профессор Реджис.

– Вряд ли, профессор.

– «Вздор»?

– Вы сегодня подаете не самые лучшие идеи, профессор Реджис, – холодно заметил граф.

Профессор Реджис, слегка оскорбленный, повысил голос:

– Но это все без толку! Существуют десятки слов, начинающиеся на «в» и заканчивающиеся на «р» или «д»! Вероятность найти нужное...

– Прошу обратить внимание, профессор, – сказал граф, – что во многих из этих слов второй звук совпадает. А сейчас нам как раз и нужно найти вторую руну, а не все слово.

Андромеда указала пальцем на арку, над которой был нарисован символ «#».

– Эта руна обозначает звук «кс», – сказала она. – Сомневаюсь, что существует слово, начинающееся «вкс...».

– Вы правы, Ваше Величество. Забудем про эту арку.

Андромеда перевела взгляд на вторую арку, помеченную руной «#».

– Это звук «п».

– Дела все хуже... – прошептал профессор Реджис.

Княгиня посмотрела на последнюю арку, которая могла оказаться выходом. Однако над ней не было никакого знака. Краска над ней, как и над многими другими арками, была смыта водой.

– О нет!

– Не волнуйтесь, моя госпожа, – граф Шнайдер снова попытался ободрить Андромеду. – Сейчас нам лишь нужно сделать выбор всего между двумя арками.

Андромеда задумалась. Какой пароль может получиться, если выбрать арку «п»? «вп...р» или «вп...д». Очевидно, что складывается слово «вперед». С другой стороны, арка, над которой отсутствовала руна, могла быть ключом к любому другому паролю: «ветер», «вечер», «взор», «вор», «выбор», «выговор», «взвод», «вид», «виноград», «водопад», «восход», «всход», «вред», «вывод», «выход».

Конечно, маловероятно, что ключом к тайне священного храма могло быть слово «выговор» или «виноград». Но слова «выход» и «вор» казались довольно подходящим паролем. С

другой стороны, слово «вперед», означавшее первую арку, тоже вполне могло оказаться ключом.

– По теории вероятностей мы должны выбрать неподписанную арку, – нарушил тишину профессор Реджис. – Шанс того, что нужная арка – это арка «п», – приблизительно шесть процентов.

– Это верно, – нехотя согласился граф Шнайдер. – Но мне почему-то кажется, что слово «вперед» – самое подходящее.

– Я не разделяю вашей уверенности... – засомневалась Андромеда.

– Ваше Величество! Я уверен, вы изучали философию племен, живших здесь.

– Да, это верно, – с готовностью отозвалась Андромеда. Историю она знала куда лучше, чем древние языки. – Насколько мне известно, эти племена отрицали роль судьбы в жизни человека и верили в свободный выбор. Их философия заключалась в том, что все происходящее в жизни человека – результат сделанного верного или неверного выбора...

Граф нетерпеливо покачал головой:

– Полностью с вами согласен, моя госпожа. Но я имел в виду другой аспект философии. Мировоззрение восточных племен отрицало горечь утрат. Согласно их убеждениям, смерть близких, старость, болезни – это неотъемлемая часть жизни. Жрецы проповедовали, что человек склонен наслаждаться своим горем и жить воспоминаниями. А это делает его слабее, лишает будущего и фактически убивает его. Поэтому нужно продолжать движение вперед. Вперед, прочь от воспоминаний о прошлом и страданий. Вперед к неизвестному. Именно поэтому я считаю, что пароль – это слово «вперед».

Граф посмотрел на Андромеду с надеждой, что она поймет его и сделает правильный выбор. Княгиня не выдержала его взгляда и прикрыла веки.

– Вынужден признать, юная Андромеда, что слова его превосходительства звучат рационально.

Итак, граф Шнайдер и профессор Реджис сошлись во мнении. Означает ли это, что она свободна от ответственности выбора? Если кто-нибудь погибнет за нее, не станет ли она винить себя в этом?

Конечно, нет. Андромеда замужем за князем Мэруином уже семь лет. Она стала свидетелем дюжин сражений: усеянные трупами поля, отравленные кровью реки, сожженные дотла деревни и черные груды тел мирных жителей. Эти люди погибали с ее именем на устах. Неужели она не сможет пожертвовать еще парой человек во благо собственного счастья?

– Ваше высокоблагородие? – Андромеда открыла глаза. – Я полагаю, вы разделяете мнение его превосходительства?

– Да, Ваше Величество.

– Тогда, будьте добры, проверьте туннель.

Профессор Реджис направился к арке, помеченной руной «#». Однако, подойдя к ней, он замер.

Сначала Андромеда решила, что математик просто набирается смелости шагнуть в черный туннель. Но затем княгиня поняла, что он к чему-то прислушивается.

И правильно делает.

Из туннеля доносился шепот. Возможно, это был усиленный эхом шум ветра, а возможно, и чей-то разговор... Второе казалось маловероятным. Каким образом некто смог забрести так глубоко в лабиринт, когда в нем не было сквозняка? Очевидно, шепот, доносившийся из туннеля, – это на самом деле ветер.

И все же... Андромеда четко слышала в звуке, доносившемся из туннеля, слова «гала» и «рок». Конечно, уверяла себя княгиня, это была лишь игра воображения. Но тогда почему ей слышались слова не родного языка, а древнего?

«Какие нелепые мысли приходят в голову в этом жутком месте!» – подумала Андромеда.

– Это всего лишь ветер, – граф Шнайдер наконец озвучил общие подозрения. – Ступайте, ваше высокоблагородие.

Профессор Реджис ничего не ответил, но повинился.

Как и в прошлый раз, Андромеда долго наблюдала одинокий силуэт своего спутника, углубляющийся все дальше и дальше в туннель. Вскоре профессора окутала тьма, и княгиня могла разглядеть лишь тусклое мерцание факела.

А тем временем шепот, доносившийся из туннеля, стал громче.

– Гала... рок... гала... рок... гала... рок...

Андромеда почувствовала, как от волнения у нее учащается сердцебиение. Она с напряжением вглядывалась в черный туннель и ждала, когда хоть что-нибудь произойдет. Она надеялась услышать голос профессора, радостно сообщающий, что коридор безопасен... и боялась уловить глухой удар его тела о дно каменного мешка и короткий, оборванный быстрой смертью крик.

Жизнь во дворце научила Андромеду хладнокровию. Но здесь, в древнем лабиринте, княгиня почти потеряла самообладание. К стыду своему, Андромеда обнаружила, что кончики ее пальцев и колени дрожат, будто от холода.

Граф Шнайдер достал платок и вытер выступивший на лбу пот.

– Святые небеса... – тихо произнесла Андромеда. – Ваше превосходительство, вы можете говорить что угодно про игру воображения... но я уверена, что это не ветер. В том туннеле кто-то есть.

Стоило ей сказать это, как из туннеля донесся раздирающий душу вопль профессора.

Андромеду бросило в жар.

Пламя факела заметалось по туннелю. Два раза его скрыли неясные тени. Затем пламя погасло.

Профессор Реджис замолчал навсегда.

## 5.

– Моя госпожа, ему уже нельзя помочь, – быстро среагировал граф Шнайдер, стараясь остудить чувства Андромеды. – Он знал, на что идет и ради чего. Он умер ради вашей свободы. Сделаем же так, чтобы его жертва не оказалась напрасной!

Граф Шнайдер взял Андромеду под руку, и она с благодарностью приняла помощь. Беглецы отправились в третий туннель. У них оставался только один факел, поэтому разделяться больше не было смысла.

– Я привыкла, что за меня умирают солдаты... – тихо сказала Андромеда. – Профессор Реджис был моим наставником и не имел никакого отношения к войне. Он был добр и дарил свое добро детям придворных... в этом заключалась его задача. Он должен был воспитывать новые поколения и стараться сделать этот мир лучше, чище и светлее. Таким должен был стать его подвиг.

К облегчению Андромеды, в третьем зале оказалось сухо, а руны над арками не стерлись.

Граф Шнайдер и Андромеда вышли из арки, которую венчал знак «#».

– Эта руна означает звук «о», – сказала Андромеда. – Значит, предпоследняя буква пароля – «о».

– Забудем про пароль, – устало отмахнулся граф Шнайдер и принялся обходить с факелом арки.

Но все же, пока граф Шнайдер искал направление ветра, Андромеда постаралась предположить в уме, какое слово могло бы стать ключом к лабиринту.

Итак, пароль начинается на «в» и заканчивается на «ор» или «од». Как бы это ни казалось абсурдным, но предположение профессора Реджиса могло оказаться верным: слово «вектор» вполне подходило. Ровно так же, как и слова «взор», «восход», «вор», «вывод», «выбор» и... «выход».

«Выход»? Если пароль действительно слово «выход», то жрецы обладали неплохим чувством юмора. «Вор» тоже вполне могло подойти. Ведь с помощью лабиринта жрецы старались защитить храм именно от расхитителей. Однако это слово слишком короткое. Не может быть, чтобы лабиринт состоял всего из трех залов.

«Из четырех, – поправила себя Андромеда. – На противоположном конце лабиринта тоже есть комната, „вестибюль“, где посетителям предстоит выбрать первую букву пароля».

– Вестибюль... – прошептала Андромеда. – Ну конечно! Количество комнат должно на единицу превышать число букв в слове!

Но граф Шнайдер не услышал ее рассуждений:

– Ветра нет! – воскликнул он. – Кто-то во дворце запер дверь в лабиринт!

– Не волнуйтесь, мой друг, – улыбнулась Андромеда. – Выбраться нам поможет слово. Загадка этого лабиринта удивительным образом переплетает философскую, лингвистическую и математическую науки. Да-да, ваше превосходительство. Математическую.

– Это каким же образом? – нахмурился граф Шнайдер.

– Профессор Реджис не ошибся... Найти выход нам поможет простая математика. Сдается мне, ваше превосходительство, что число букв в нашем пароле не может быть кратно двум.

– Я не понимаю...

– Посудите сами. Предположим, что паролем могло бы стать слово «восход», в котором число букв кратно двум.

– Предположим.

– В таком случае, если я захожу в лабиринт, то первый его зал соответствует для меня букве «В». Представим, что вы выходите из лабиринта. В отличие от меня, в этом зале вам не требуется выбирать букву. Вы просто проходите мимо гробницы и поднимаетесь в Княжеский Дворец.

Граф Шнайдер устало развел руками:

– Вы говорите убедительно, моя госпожа, но я, право, не понимаю, к чему вы клоните.

– Я перехожу во второй зал, – продолжала Андромеда. – В нем я выбираю вторую букву пароля – «О». Вам же, чтобы выбраться из этого же самого зала, предстоит отправиться в коридор, отмеченный последней буквой слова – «Д».

– В третьем зале Ваше Величество выбирает третью букву пароля – «С», – граф задумчиво продолжил рассуждение княгини. – А ваш покорный слуга должен выбрать предпоследнюю букву, которой станет руна «О».

– Однако в четвертом зале, ваше превосходительство, я выбираю четвертую букву, а вы – третью с конца. И для нас обоих этой буквой становится...

– Руна «Х»! – глаза графа округлились от удивления.

– Точно! – просияла Андромеда. – В таком случае должна была бы существовать комната, в которой арки повторяются...

– ...и туннелей было бы не двадцать четыре...

– ...а сорок восемь...

– ... что нарушило бы замысел лабиринта и запутало бы несчастных жрецов!

На время Андромеда забыла о жертве профессора Реджиса и об опасности, скрывавшейся в ложных туннелях. Она гордилась неожиданным озарением и тем, что смогла перехитрить мудрых жрецов.

– Значит, слова «восход», «взор» и... «вектор» не подходят, – произнес граф Шнайдер. – Какие варианты у нас остались?

– «Вывод», «выбор», «вор» и... забыла... – Андромеда сжала губы, стараясь вспомнить упущенное слово.

– «Выход», моя госпожа, – подсказал граф. – Думаю, слово «вывод» не имеет никакого отношения к загадке лабиринта.

– Как и слово «вор». Оно слишком короткое.

– Значит... «выбор» или «выход».

Граф Шнайдер грустно усмехнулся.

– Профессор Реджис сказал бы, что ваша вероятность спастись теперь возросла до одного к двум, моя госпожа.

– Что вы хотите этим сказать?..

– Один туннель проверю я. А факел вы оставите у себя. Если я выживу...

– ... то туннель правильный. Ну а если нет...

– ... вам останется лишь отправиться во второй, – уклончиво закончил граф.

Андромеда понимала, что другой дороги для них больше нет. Дверь в лабиринт кто-то закрыл. Значит, гвардейцы догадались, что преступники покинули дворец этим путем. Если граф вернется во дворец через подземелье, то его арестуют. Теперь единственное его спасение – отыскать выход из лабиринта.

– Не забывайте, что у нас три ключа к загадке лабиринта, – напомнила Андромеда, стараясь оттянуть время. Она надеялась, что сможет придумать другой план, который не подверг бы жизнь графа опасности. – Лингвистика, теория вероятностей и философия. Мы использовали только две подсказки. Но мы упустили философию.

– Моя госпожа, в предыдущей комнате мы пытались порассуждать о культуре племен...

– Да, – мягко прервала графа Андромеда. – Но мы ошиблись. Мы предпочли слово «вперед» замечательному слову «выбор». Но, ваше превосходительство, вы не находите, что спасение в этом лабиринте целиком зависит как раз от выбора? Выбор – вот секрет лабиринта.

– Это ничего не значит...

– Философия древних племен строилась вокруг понятия «свободный выбор». Я рассказывала вам, помните?

Граф покорно кивнул головой.

– Доверьтесь мне.

Андромеда ободряюще улыбнулась и показала пальцем на арку, помеченную руной «#». Граф ловко перехватил руку Андромеды, осторожно взял ее за пальцы и нежно прикоснулся губами к запястью.

– Будьте счастливы, моя госпожа. Пусть Белая Звезда всегда освещает ваш путь, а небо хранит ваше счастье.

– Удачи, мой добрый друг!

### Глава 3. Королева контрабандистов

#### 1.

Окна Княжеской Трапезной были отворены настежь: западное крыло дворца проветривалось от дыма. Зал скудно освещался парой свеч, пламя которых придавало Княжеской Трапезной мрачную серость и обесцвечивало ее торжественные красно-золотые тона.

Двери в покои Мэруина и Андромеды также держали открытыми – охранять эти помещения больше не было смысла. Князь тяжело ранен, его комнаты сгорели в пожаре, а княгиня похищена.

Через Княжескую Трапезную сновали гвардейцы. Они тщетно искали скрытые ходы, веревочные лестницы – все то, что могло стать ключом к тайне исчезновения дюжины наемников. Паладин Брутус не обращал внимания на солдат. Он застыл у раскрытого окна, по обыкновению крепко сцепив пальцы в замок и полузакрыв глаза.

Перед его взглядом простиралось предместье Мэрлоуз. Спящий город. Уличные торговцы уже давно свернули палатки, пастухи загнали стада в стойла, а монахи отслужили вечернюю службу. Предместье затихло в ожидании дождя. С его стороны даже не доносился привычный шум – собачий лай, плач детей или смех пьяной компании.

И дождь начался.

Первые капли застучали по крышам живописных фахверковых домов, когда в Княжескую Трапезную вошел первый министр.

– Ваше благородие...

Паладин Брутус даже ухом не повел. Он продолжал отсутствующим взглядом изучать предместье, при этом все сильнее сжимая пальцы.

– Ваше благородие... – неуверенно повторил министр. – Его Величество пришел в себя на несколько минут. Он подписал приказ княгини Андромеды о вашем назначении.

Министр протянул Брутусу свиток, скрепленный княжеской печатью. Паладин промолчал, но его пухлые губы расплылись в удовлетворенной улыбке, обнажив ряд желтоватых зубов. Кожа на костяшках пальцев побелела от напряжения.

Наконец паладин Брутус разжал пальцы и принял свиток. При этом он даже не взглянул на министра, не отрывая глаз от долины.

– Эм... я бы сказал, что теперь могу приступить к исполнению воли княгини?

– Так точно, ваше благородие.

Мэрлоуз окутал водяной туман, и предместье скрылось за завесой дождя.

– Я бы еще спросил, как продвигаются поиски княгини.

– Гвардейцы обыскали весь замок, ваше благородие, – ответил первый министр, готовый к этому вопросу. – Похитители не оставили следов. Однако в подземельях мы обнаружили... языческий храм.

– Эм... храм? – Брутус нахмурился.

– Так точно, ваше благородие, храм. Мы опросили придворных. Никто не знает, что это за место. Дверь в него находится на нижнем уровне подземелий и обыкновенно заперта. Но сегодня при обыске гвардейцы обнаружили, что она открыта и за ней скрывается храм.

Брутус развернулся к министру. Паладин не отличался тактичностью, а потому приблизил лицо вплотную к лицу министра.

– Это как-то связано с похищением Ее Величества?

– Мы считаем, что да, ваше благородие. В храме обнаружено много ходов...

Министр запнулся. Его сбило с мысли близкое дыхание Брутуса. Министр с трудом подавил желание отступить на шаг от паладина.

– ...ходов в подземелья, не известных ни одному придворному. Возможно, похитители укрылись в них.

– Так пошлите туда людей! – повысил голос Брутус, начиная раздражаться от глупости министра.

– Мы отправили целый отряд солдат, ваше благородие. Никто не вернулся.

Брутус склонил массивную голову и почесал затылок.

– Я бы сказал, нужно расспросить членов тайной канцелярии, – решил он. – Им известны все ходы замка. Отправляйтесь к графу Шнайдеру.

– Мы уже искали его, – министр снова оказался на шаг впереди Брутуса. – Его превосходительство отметил в книге учета, что покинул дворец. Согласно его записи, он отправился домой в предместье Мэрлоуз.

Брутус повернулся к окну и снова хищно улыбнулся.

– Эм... я надеюсь, граф не станет возражать, если мы, я бы сказал, проведем его.

– Ваше благородие?... – министр растерялся.

– Отставить поиски княгини Андромеды в замке.

Голос заикающегося палатина Брутуса вдруг стал тверд. Первый министр по своему опыту понял, что это не сулит ничего хорошего.

– Прошло слишком много времени, – пояснил Брутус. – Похитителей здесь уже давно нет. Готовьте гвардейцев для обыска предместья.

Министр с поклоном удалился, забрав гвардейцев.

Брутус снова сжал пальцы, сильнее смяв свиток с приказом. Его зрачки заметно расширились: он пожирал глазами Мэрлоуз.

Только что в его руки свалилась власть. Настало время изучить ее границы опытным путем. Скоро каждый житель Мэрлоуза узнает, каково это – быть презируемым, ненужным и никчемным. А он, Брутус, погрузится в сладкий экстаз власти, влияния и значимости.

## 2.

Андромеда еще издали услышала шум дождя. Похоже, на столицу обрушился настоящий ливень. Княгиня и граф продвигались по последнему туннелю и с каждым шагом все отчетливее улавливали звуки улицы. А спустя нескольких часов, проведенных в глухих подземельях, они особенно радовали слух.

Андромеда и граф Шнайдер вышли из туннеля и оказались в последней ротонде. Здесь, кроме уже привычных княгине двадцати четырех арок, находилась еще одна, над которой отсутствовала руна. И за ней виднелся не очередной туннель, а винтовая лестница.

– Раньше эта арка служила выходом из лабиринта, – пояснил граф Шнайдер.

– А сейчас?

– А сейчас эта арка приведет нас в самый известный театр княжества. В те времена, когда язычники строили лабиринт, над ним, разумеется, еще не было ни замка, ни предместий. Но племена ушли, и много лет спустя зодчие, что возводили Княжеский Дворец, соединили один конец лабиринта с резиденцией, а другой – с театром предместья Мэрлоуз.

Андромеда еще раз удивилась тому, как много секретов хранил замок Мэруина.

– Раз это выход, то не будем терять ни минуты.

И Андромеда первая ступила на лестницу. Едва она это сделала, как ей показалось, что вместе с шумными порывами ветра и плеском дождя она слышит жуткую какофонию криков сотен людей. Сначала княгиня решила, что ей померещилось: ведь, по ее оценке, время рассвета еще не наступило. Улицы города должны быть пусты. Но затем Андромеда начала различать отдельные голоса. Какие-то приказы, проклятия и вместе с ними душераздирающие вопли.

Лестница закончилась, и беглецы оказались в темном зале, напомнившем Андромеде храм театрального искусства. Из темноты проглядывали статуи муз, наряды, маски любимых

в народе героев. Андромеда любила театр... особенно за способность актеров иносказательно обличить интриги дворянства и высмеять их. Поэтому княгиня немного увлеклась, рассматривая театральные атрибуты, и не сразу заметила выход из зала.

Внезапно подувший шквалистый ветер вернул Андромеду к действительности. Княгиня и не заметила, что зал заканчивается выходом на улицу. Она развернулась и, укутавшись в плащ от пронизывающего ветра, подошла к арочному проему.

Андромеда остолбенела.

Она обнаружила себя на вершине колоссального каменного амфитеатра. Город внизу раскинулся как на ладони.

– Святые небеса...

Мэрлоуз полыхал. Дюжины домов окутались огненным заревом, потушить которое не было под силу даже проливному дождю. Улицы беспорядочно устилала обломки мебели, домашней утвари и выбитые двери. На фоне пожара мелькали силуэты сотен дерущихся людей. На площади, где прежде находился базар, Андромеда разглядела десяток страшных сооружений – виселиц – к которым под прицелом лучников тянулась целая колонна пленников. Фасады домов, что примыкали к площади, закрыли алые знамена Мэруина, а герольды с балконов громко скандировали:

– Они забрали вашу госпожу!

– Убейте всех или умрите сами!

Внезапная вспышка молнии озарила небо, и Андромеда разглядела отвесные столбы черного дыма, поднимавшегося из полыхающего предместья. А также толпы беженцев, спешащих покинуть объятый безумием город.

– Я вас предупреждал, – раздался у самого уха Андромеды холодный голос графа Шнайдера.

Несмотря на то, что граф старался произнести эту фразу безразлично, Андромеда уловила в его словах упрек. Княгине это не понравилось.

– Я княгиня этих людей, хоть и вопреки воле, – еще более ледяным тоном напомнила Андромеда. – Все эти горожане и их жизни принадлежат мне.

Раскат грома на минуту заглушил жуткий многоголосый шум – стоны, плач, воинственные возгласы, приказы...

– И этой ночью я забрала столько жизней, сколько требует моя свобода.

Андромеда, стиснув зубы, развернулась спиной к полыхающему предместью и направилась вглубь зала.

– Это ваше право, моя госпожа, – мрачно согласился граф и задумчиво добавил: – Знать бы еще, кто такие «они». Кого наш государь успел обвинить в вашем похищении.

Легкая дрожь пробежала по затылку княгини.

Андромеда только сейчас поняла, что все случилось именно так, как она и рассчитывала.

«...вы окажетесь в мире открытого террора и больше нигде не сможете чувствовать себя в безопасности. Сам Мэруин ощутит беспомощность, когда его подданные начнут убивать друг друга».

– «Они» – это отступники веры, ваше превосходительство.

Андромеда уставилась в темноту. Она избегала взгляда графа. Он старался вызвать у нее сострадание к горожанам... Но княгиня знала, как опасна жалость. Это чувство способно породить сожаление, а потом, что еще хуже, – раскаяние. Раскаяние же доводит до безумия: заставляет действовать вопреки своим интересам, сводит на нет все начинания и усилия.

– И у них отныне не будет спокойствия.

Андромеда и граф Шнайдер не разговаривали до самого утра. Они нашли в глубине зала груды театральных костюмов и удобно устроились на них, усевшись поодаль друг от друга.

Княгиня и граф настороженно вслушивались в происходящее на улице. Резня в предместье не прекращалась несколько часов и стихла лишь к рассвету. Прерывистый сон, голод, шум городских беспорядков – ночь превратилась для Андромеды в бесконечный кошмар. Лишь с рассветом сон отступил, а мысли стали спокойнее.

– Ваше Величество, – обратился граф Шнайдер, когда солнце уже поднялось над горизонтом, – вы решили, куда желаете отправиться?

– Домой, – без раздумий ответила Андромеда. – В герцогство Ла-Шерле.

– Как вам будет угодно. Я вернусь за вами в полночь, моя госпожа. А пока советую спрятаться в сцене<sup>4</sup> театра. Потому что в этом зале скоро могут объявиться гвардейцы.

И с этими словами граф Шнайдер поднялся на ноги, поклонился и вышел. Андромеда хотела окликнуть его, поблагодарить за все, что он для нее сделал. Но беспокойная ночь и чувство голода лишили ее последних сил. Лишь спустя несколько минут Андромеда медленно побрела к выходу. Остановившись в арочном проеме, она еще долго наблюдала за одиноким силуэтом своего друга, спускавшегося по колоссальному амфитеатру к оркестре<sup>5</sup>.

Взгляд Андромеды невольно переместился на улицы Мэрлоуза. В утренних лучах Андромеда в деталях разглядела последствия ночных беспорядков.

В предместье Мэрлоуз царила зловещая тишина. Окна домов были наглухо закрыты ставнями. Многие двери были либо выбиты, либо бесполезно болтались на сломанных петлях. От дюжины домов остались лишь тлеющие угли и почерневшие каминные. Дороги утопали в мерзкой черной грязи – саже, перемешавшейся с дождевой водой. Улицы усеивали тела солдат и мирных жителей, превратившись в пиршественный стол для стервятников и бездомных собак. А в воздухе, даже на высоте амфитеатра, витал смрад гари и гниющей плоти.

Андромеда старалась не обращать внимания на тела... Но они невольно приковывали ее взгляд. Предместье Мэрлоуз сегодня утром превратилось в один большой театр. Со страшными актерами и печальными мизансценами.

Вот тела юноши и девушки – лежат в грязи, словно молодые люди просто уснули в объятиях друг друга. А из окна напротив свисает тело мародера. И окоченевшая рука вора до сих пор тянется к мешку с награбленным добром, который он выронил за мгновение до смерти.

Андромеда смотрела на страшную сцену и внимала сотням историй, которые убиенные ей безмолвно рассказывали. Она видела, как члены семей под шумок избавлялись от своих родных, чтобы претендовать на наследство. Видела, как горожане пытались откупиться от вломившихся в их дома солдат. Видела десятки бесчинств, что творили солдаты с телами горожан...

Этой ночью солдаты опьянели от вседозволенности. Они убивали, грабили и насиловали, упиваясь силой. Но и горожане, которые сводили счеты с соседями, оказались не лучше их. Закон и мораль в эту ночь остались лишь утешением для слабых.

Княгиня уже собиралась отвернуться от страшного зрелища, но ее взгляд остановился на рыночной площади.

Андромеда еле сдержала тошноту.

Над площадью, самой оживленной частью города, возвышался десяток виселиц, в петлях которых еще качались последние жертвы минувшей ночи. Головы этих людей были по-детски наклонены набок, словно бы разглядывали что-то любопытное.

---

<sup>4</sup> Сцена – сооружение за сценой в древнегреческом театре. Предназначалось для переодевания и выхода актеров. В римский период сцена превратилась в богатое украшенное каменное здание с несколькими этажами. От слова «сцена» произошло современное слово «сцена».

<sup>5</sup> Оркестра в античном и псевдоантичном театре – круглая (затем полукруглая) площадка для выступлений актеров, хора и отдельных музыкантов. С течением времени оркестра трансформировалась в оркестровую яму, а также дала название оркестру – коллективу музыкантов.

А за виселицами... возносилась целая гора убитых горожан – мужчин, женщин и детей. И похоже, догадалась Андромеда, что все они провинились лишь в том, что исповедовали западную веру.

### 3.

Андромеда последовала совету графа Шнайдера и спряталась в сцене – здании, предназначенном для переодевания актеров и хранения костюмов. Княгиня помнила, что едва она вошла в третий зал лабиринта, как сквозняк в подземельях прекратился: кто-то во дворце обнаружил потайной ход и запер в него дверь. Значит, оставаться рядом с лабиринтом было опасно: в любой момент из него могли выйти гвардейцы. А сцена сейчас пустовала: после ночного погрома актеры еще не скоро решатся вернуться к работе.

Сцена представляла собой вытянутый вдоль оркестры трехэтажный дворец, ограниченный с двух сторон башнями. Андромеда обосновалась в библиотеке сцены – уютном зале с деревянными антресолями, что находился на третьем этаже. Если в сцену вернутся люди, они не сразу обнаружат Андромеду, и княгиня успеет сбежать.

Княгиня понимала, что Мэруин бросил на ее поиски все ресурсы – солдат и шпионов во всех графствах. Поэтому следовало сохранять предельную осторожность. После полудня Андромеда забиралась на антресоль, укрывалась платьями из театрального реквизита и засыпала. Лишь когда куранты Княжеского Дворца били одиннадцать, Андромеда покидала сцену и отправлялась на место встречи с графом Шнайдером.

Но проходили дни, а граф так и не являлся.

Андромеда беспокоилась за него. С одной стороны, она была почти уверена, что Шнайдера заподозрили и арестовали. Андромеда не исключала возможности, что графа пытаются и он в любой момент может выдать тюремщикам, где она спряталась. С другой стороны, княгиня хорошо знала: граф Шнайдер – человек хитрый и ловкий. Не зря же его взяли на службу в тайную канцелярию. Человек такого склада ума не мог настолько легко попасть в руки правосудию.

Так или иначе, Андромеда продолжала каждый вечер подниматься на вершину амфитеатра и проводить остаток ночи в ожидании графа. Возвращаться в сцену до рассвета она боялась. Пустой дворец навевал на нее суеверный страх.

Княгиня думала: почему во время беспорядков никто не разграбил театр? Почему горожане, что лишились домов, не поселились в пустом здании сцены, как сделала она? Андромеда предполагала, что за поведением горожан скрывается важная, но неизвестная ей причина.

Первый день Андромеда провела без еды и воды, надеясь на помощь графа. Она предприняла попытку найти еду в сцене, хотя понимала, что в здании театра вряд ли мог храниться провиант. Тем не менее Андромеда постаралась найти хотя бы воду. В поисках ее Андромеда обошла всю сцену и побоялась зайти лишь в восточное крыло, лишенное окон.

На второй день жажда и голод сделались невыносимыми.

У Андромеды пересохло во рту, она начала страдать от головокружения. Тогда княгиня решила, что ей просто необходимо выйти из сцены, чтобы добыть еду и воду.

Воду она могла бы набрать из колодца, как обычная горожанка. Правда, княгине ни разу не приходилось сталкиваться с колодцем, и она волновалась, что не справится с его механизмом. Но все же колодец не такая серьезная задача, как поиск еды.

У Андромеды не было денег. Она вообще никогда в жизни не держала в руках монет. Дворцовая жизнь ее полностью обеспечивала, и ей, конечно же, не приходилось совершать покупки.

Еще на утро второго дня Андромеда была уверена, что она ни за что не станет попрошайничать. Однако к полудню того же дня Андромеда заподозрила, что скоро голод заставит ее забыть о дворянской гордости.

Но даже если Андромеда и решилась бы на попрошайничество, она вряд ли бы добилась успеха: после беспорядков предместье и так наводнилось бродягами. Княгиня не смогла бы соперничать с таким количеством людей.

Решение пришло сразу же: ее прокормит здание театра. Андромеда могла бы обменивать имущество скены на еду. Конечно, княгиня не стала бы продавать платья, кубки или канделябры – это сразу навело бы подозрения. Но в скене хранился и другой, гораздо более полезный в быту материал. Восковые свечи. Свечи ценятся дорого, а потому только зажиточные семьи могут позволить себе с их помощью освещать дома. Обычным горожанам этот товар не по карману. Поэтому, вероятно, они бы согласились обменять еду на свечи.

Оставалась последняя проблема: при свете дня горожане могли узнать ее. Поэтому Андромеде срочно требовалось изменить внешность.

Впрочем, сделать это в здании театра представлялось проще простого.

Андромеда отыскала зеркало и коротко обрезала волосы. В миг прекрасная монархиня превратилась в простую мещанку. Теперь дворянское происхождение Андромеды выдавали лишь бледный цвет кожи и нежные черты лица.

Но княгине эти меры показались недостаточными. Она обыскала скену в поисках грима или краски. Однако, кроме бесчисленных масок, Андромеде удалось найти только засушенные растения – листья и пурпурные лепестки.

Зачем в здании скены засушенные цветы? Вероятно, их используют в качестве сырья, чтобы изготовить краску для волос или росписи тела. Однако Андромеда, конечно, не знала, как с помощью этих растений изготовить краску.

Впрочем, это не важно. Если в скене есть сырье, значит, должен быть и конечный продукт.

Андромеда продолжила поиски. Но, обыскав несколько помещений, она не нашла даже небольшого запаса краски. От бессилия княгиня закрыла лицо руками и еле сдержала проклятия, готовые сорваться с языка.

Голод и жажда мешали ей трезво принимать решения. Княгиня чувствовала, что вот-вот махнет рукой на осторожность и выбежит на улицу, чтобы набрать воды. Но она заставила себя собрать остатки воли и еще раз оценить обстановку.

На что она надеялась, когда собиралась бежать? Рассчитывала, что граф Шнайдер сделает за нее все сам? Что он взвалит себе на плечи заботу о ней? Андромеда просила графа лишь помочь ей сбежать. И он честно исполнил ее просьбу. Андромеда свободна. Ее больше нет в замке. Даже более того, ее тюремщики жестоко наказаны – ведь благодаря Брутусу страна встала на грань новой междоусобной войны.

И что теперь?

Она не умеет обращаться с деньгами, работать руками и даже никогда не прикасалась к колодцу.

Андромеда снова тяжело вздохнула и крепко стиснула зубы.

– Я наследница герцогства Ла-Шерле и княгиня востока. Я лучше всех мещанок и крестьянок, а потому и сильнее их. Если они каким-то образом выживают в этом мире, то смогу и я.

В эти слова Андромеда вложила последние капли былой уверенности. И они возымели эффект. Княгиня успокоилась и вспомнила, что проводит каждый вечер в библиотеке. Библиотеке театра. Наверняка в ней должен храниться рецепт изготовления краски.

И Андромеда действительно нашла его. Рецепт она обнаружила в книге «Двенадцать перевоплощений», которая сразу бросилась ей в глаза: она лежала не на полке, а на столе. Вероятно, актеры часто руководствовались ее записями. Рядом лежал пергамент, исписанный важными выдержками:

«...для сего перевоплощения, сын мой, приготовь нижние листья кустарника со славным именем Лавсония. Лавсонию ты узнаешь по розовым или голубым лепесткам и красным тычинкам...».

– «Сын мой»... – передразнила автора Андромеда. Как известно, в театре Мэрлоуза все роли исполняли мужчины. – Знали бы вы, что ваши знания пригодятся женщине!..

«...еще тебе, сын мой, понадобится индигофера. Индигоферу ты просто найдешь. Ступай в лес и отыщи кустарник с пурпурными лепестками и тычинками, число коих десять...».

Прочитав руководство, Андромеда поняла, что цветы, которые она случайно обнаружила, и есть главные ингредиенты – лавсония и индигофера. Но для приготовления краски также требовалась и вода.

Значит, так или иначе, придется рискнуть и совершить ночную вылазку за водой.

Остаток вечера Андромеда перетирала листья и лепестки в порошок. Как только часы пробили одиннадцать, она укуталась в плащ, взяла кувшин и вышла из сцены.

Ночь скрыла Андромеду от посторонних глаз, и даже самый внимательный горожанин не смог бы разглядеть стройный силуэт женщины, что покинула театр и направилась к колодцу.

Свежий воздух прояснил мысли княгини и притупил навязчивое чувство опасности. Механизм колодца оказался не таким хитрым, как опасалась Андромеда. Княгиня даже похвалила себя за то, как быстро она разобралась с изобретением простонародья.

Зачерпнув воду, Андромеда сделала первый глоток за два дня.

Святые небеса! Казалось, княгиня в жизни не пробовала ничего вкуснее! Андромеда жадно выпила два кувшина, не в силах оторваться. Лишь почувствовав, что больше не может сделать ни глотка, Андромеда в последний раз наполнила кувшин и поднялась с ним на вершину амфитеатра.

Куранты Княжеского Дворца пробили полночь. Затем час ночи, потом два... Граф Шнайдер снова не пришел. Андромеде оставалось лишь в одиночестве встречать и провожать звезды, следя за их медленным, величественным движением по ночному небосклону. Лишь когда на востоке занялась заря, княгиня покинула амфитеатр и вернулась в комнату с зеркалом.

Вода притупила чувство голода, и Андромеда смогла погрузиться в процесс изготовления краски. Результаты превзошли ожидания: княгине действительно удалось создать густую массу черного цвета.

Когда Андромеда нанесла еще теплую краску на волосы и брови, небо за окном стало серым, и на нем догорали последние звезды. Однако в сцене оставалось по-прежнему сумрачно, и Андромеде пришлось зажечь уже третью свечу.

Взглянув в зеркало, княгиня не узнала саму себя.

Неухоженные, кое-как обрезанные волосы придавали ей облик бедной мещанки. Но хрупкая фигура, тонкие брови, чуть раскосые выразительные глаза и бледная кожа выдавали ее дворянское происхождение.

Андромеда продолжала изучать свой новый образ, как вдруг краем глаза заметила в отражении дверного проема чье-то лицо.

Желтое старческое лицо.

Андромеда застыла.

Желтое лицо уставилось на нее, а Андромеда – через отражение зеркала – на лицо.

По спине княгини пробежал неприятный холодок. Андромеда невольно задержала дыхание.

«Кто это может быть? Сцена пуста, все ее комнаты пусты!».

Вдруг Андромеда вспомнила, что прямо под сценой скрывается лабиринт. Лабиринт с сотней черных туннелей, в конце которых... в конце которых обитает нечто, что убило профессора Реджиса.

А кроме того, в сцене есть неосвещаемое крыло. Место, куда Андромеда побоялась зайти даже днем.

Что же это за жуткое лицо? Кто его обладатель – мужчина или женщина? Почему оно тарашится и молчит?

«Святые небеса, да что это? Святые небеса, помогите мне!».

Андромеда так и не посмела пошевелиться, пока лицо не скрылось обратно во тьме сцены.

Княгиня, не понимая, что делает, трясущимися руками обняла себя за плечи. Только так, успокаивая себя, она смогла сохранить самообладание.

#### 4.

Андромеда простояла на ногах еще несколько минут, не осмеливаясь сдвинуться с места. Затем она осторожно присела в кресло, взяла в руки несколько свечей и развернулась лицом к дверному проему. Неизвестно, сколько еще должно пройти времени, прежде чем солнце поднимется над горизонтом. Поэтому Андромеда не могла допустить, чтобы пламя свечей погасло и комната погрузилась в сумрак. С сумраком к ней снова явится это лицо.

Княгиня пообещала себе, что как только в сцене станет светло, она покинет ее раз и навсегда. Сейчас же княгиня не могла выйти даже из комнаты. Она не знала, что за человек прячется в коридоре. Ей было неизвестно, вооружен ли он и с какой целью пришел в сцену. Да и вообще... как много еще таких людей могло оказаться за дверным проемом?

Однако по мере того как солнце поднималось над горизонтом, а тени рассеивались, Андромеда успокаивалась. Она убедилась в том, что увиденное померещилось ей от голода. Или, предположила княгиня, она могла задремать в кресле и увидеть жуткое лицо во сне.

В конце концов Андромеда достаточно осмелела для того, чтобы затушить свечу и выйти из комнаты.

Как она и предполагала, в сцене никого не оказалось. Очевидно, что ночью ей просто причудился кошмар.

Что ж. Пора отправляться за едой!

Андромеда волновалась, что кто-то может заметить, как она выходит из здания сцены. Но ее опасения не подтвердились. Улицы предместья Мэрлоуз оказались переполнены толпой: горожане спешили купить у крестьян свежие продукты. В такой суеде никто и не приметил одинокую женщину, выскользнувшую из театра.

Оказавшись на улице, Андромеда поняла, что ей придется сильно потрудиться, чтобы обменять свечи на еду. Каждого торговца окружала толпа горожан, которые толкались и громко спорили. Андромеда не смогла бы даже пробиться к крестьянам.

Поэтому княгиня медленно направилась прочь от центра предместья. Чем дальше она уходила, тем беднее встречались ей торговцы и тем меньше вокруг них собиралось людей. Наконец Андромеда заметила пожилую крестьянку с добродушным лицом, скромно торгующую фруктами на углу улицы.

– Доброе утро, – вежливо поздоровалась Андромеда, стараясь выглядеть простодушно и приветливо.

Крестьянка подняла на нее глаза и весело улыбнулась в ответ. От этой улыбки на душе Андромеды вдруг сделалось необычно легко и спокойно. Эта пожилая женщина улыбнулась с такой искренней добротой... как никто и никогда при дворе.

– И вам здравия! – сказала она.

– Я бы хотела купить еды... – начала Андромеда и вдруг поняла, что не сможет быть хитрой с этой женщиной. – Но у меня совсем нет меди.

– Дочь моя, мы все бедны, а потому должны помогать друг другу тем, чем нас наградила небо. Вот, – крестьянка указала на плетеные корзины с яблоками и сливами, – бери, что понравится.

Такой ответ слегка озадачил Андромеду. Эти фрукты – единственное, чем торговала эта крестьянка. Она выращивала их долгое время, чтобы хоть как-то прокормить себя. И она готова так легко отдать их незнакомому человеку?

«Бедные люди щедры, – подумала Андромеда, – ведь им нечего терять».

Андромеда неловко улыбнулась и запротестовала:

– Нет-нет, я не попрошайка! Я могу заплатить...

Андромеда достала несколько восковых свечей.

– Я хочу обменять их, – заявила княгиня.

Крестьянка взяла в руки свечи и внимательно их рассмотрела:

– Будто бы дворянские... – вынесла она свой вердикт.

Крестьянка не стала задавать лишних вопросов, за что Андромеда испытала признательность.

– Бери столько, сколько сможешь унести, дочь моя.

Старушка снова улыбнулась доброй благосклонной улыбкой. Андромеда заподозрила, что восковые свечи на самом деле ей не нужны. Просто крестьянка пожалела ее и решила помочь.

«Как выживает простой народ, если по своей щедрости готов отдать еду чужим людям? Удивительно!»

## 5.

Привратники поклонились и открыли двери.

Паладин Брутус оказался на пороге Княжеской Трапезной.

Он быстрым взглядом окинул зал: за неделю здесь многое изменилось. В Княжеской Трапезной стусился сумрак: в люстрах не хватало свечей, и зал освещался лишь несколькими канделябрами. Брутус знал, что резиденция испытывает недостаток восковых свеч. Но ему это было на руку: паладин не любил яркий свет.

На круглом столе, некогда ломившемся от деликатесов, Брутус увидел лишь графины с вином и завядшие букеты хризантем. Обычно провиант и свежие цветы доставляли в резиденцию каждое утро, но после беспорядков дворцу приходилось довольствоваться запасами из хранилищ.

Угощения и хризантемы не беспокоили Брутуса. Паладин сосредоточил внимание на присутствующих.

Три места за столом пустовали: его, князя Мэруина и княгини Андромеды. Мэруин по-прежнему не оправился от ранения и не посещал собрания. А розыски Андромеды продолжались по всему княжеству, породив всплеск домыслов и слухов.

Придворные поднялись из-за стола, приветствуя Брутуса.

Паладин остолбенел.

Тридцать пар глаз... на него таращатся тридцать придворных. Все молчат. Но про себя подмечают каждый его нелепый жест, каждый неуклюжий шаг и каждый неуверенный вздох. И все они, все до единого, молча над ним смеются.

Брутус не выдержал и опустил глаза. В полнейшей тишине он прошел от дверей до своего кресла и рухнул за стол. Брутус знал, что по правилам этикета ему следует пригласить придворных занять свои места. Но паладин не решился этого сделать. Чтобы скрыть смущение, он сцепил пальцы в замок. Этот жест – слабый, но надежный помощник. Пока руки заняты, они не жестикулируют. А значит, и не выдают страх перед присутствующими.

Министр казначейства первый догадался, что Брутус не намерен разрешать гостям вернуться за стол. Он присел без приглашения, и остальные придворные неуверенно последовали его примеру.

Больше оттягивать невозможно. Пора начинать.

– Гм... Министр казначейства. Я бы хотел знать, когда возобновятся поставки продовольствия.

– На сегодняшний день сложно дать точный прогноз, ваше превосходительство, – уклончиво ответил придворный.

Брутус исподлобья взглянул на министра.

– Как известно вашему превосходительству, – продолжал министр, – во время карательной операции гвардейцы разорили многие крестьянские владения. Их поля вытоптаны, и крестьяне едва способны прокормить свои семьи, не говоря уже о Княжеском Дворце.

– И что нам делать?

Брутус обвел глазами присутствующих. Его вопрос не был риторическим: паладин действительно искал хоть кого-нибудь, кто смог бы на него ответить. Но придворные избегали его взгляда. Ни один из них не захотел помочь ему, дать подсказку, совет...

Раньше было проще. Мэруин всегда ограничивал его полномочия, и Брутусу приходилось действовать в узких рамках дозволенного. И что бы он ни делал, Брутус был уверен – он поступает верно. Но сейчас больше никто не подсказывал, что правильно, а что могло привести к беде. Все ждали решений только от него.

От напряжения на лбу Брутуса выступили капли пота.

– Почему бы снова не отправить в предместья гвардейцев? – поинтересовался Брутус. – Пусть отберут у крестьян излишки еды.

– Разрешите возразить, ваше превосходительство... – подал голос первый министр. – У крестьян нет излишков. У них еле хватает запасов, чтобы пережить зиму.

– Кроме того, – добавил министр казначейства, – я предложил бы вам и вовсе отказаться от поставок провианта из столичных предместий. Их недавно охватила повальная болезнь, ваше превосходительство.

– Эм... болезнь?

– Ваше превосходительство, наверное, помнит, что неделю назад я доложил о новой стратегии князя Тэруина.

Брутус покачал головой:

– Я бы сказал, нет, не помню.

– Я докладывал, ваше превосходительство, что князь Тэруин поставляет в предместья дешевые контрабандные товары, – напомнил министр казначейства.

– Их предпочитают покупать бедные горожане, – дополнил первый министр. – И таким образом оплачивают расходы князя Тэруина на войну с нами. Тем временем наши крестьяне и ремесленники разоряются.

– Так вот, ваше превосходительство, – продолжил министр казначейства. – Недавно стало известно, что вся контрабанда – провиант, изделия из дерева и тканей – отравлена. Контрабанду привозят из самого очага повальной болезни.

Не успел министр договорить, как воздух взорвался возмущенными возгласами:

– Какая подлость!

– Проклятый предатель!

– Трус!

За столом поднялся гул: придворные явно были потрясены этим известием.

Паладин Брутус полускрыл глаза.

Он слушал, как придворные обсуждают шокирующую новость. Они были возмущены подлым трюком Тэруина, его хладнокровием и цинизмом.

Брутус ощущал чувства придворных... и по его телу разливалось приятное тепло. Он выпитывал злобу, бешенство и гнев... Эти чувства возбуждали Брутуса, заставляли его кровь кипеть, а сердце биться чаще.

Наконец Брутус разжал пальцы и аккуратно сложил их «домиком».

– Тэруин должен заплатить за свой трусливый фокус, – твердым голосом заявил он.

Ропот за столом смолк: придворные снова обратили внимание на паладина.

– Первый министр! – позвал Брутус.

Первый министр поднялся из-за стола и поклонился.

– Распорядитесь, чтобы тела умерших от болезни не хоронили.

– И что вы прикажете с ними делать, ваше превосходительство? Сжигать?

– Нет, – улыбнулся Брутус.

Он не мог сдержать улыбку, потому что перед его глазами уже стояла вожаделенная картина. Брутус видел сотни тел – бледных, блестящих... идеальных мертвых тел. Вот оно, совершенство природы – человеческие тела, лишённые разума.

Точно как на рыночной площади предместья Мэрлоуз.

– Нет, – мягко повторил Брутус. – Соберите их вместе, сложите в повозки и отправьте на север.

Придворные зашептались. Слова Брутуса их поразили не меньше, чем план Тэруина.

– Военный министр!

– Да, ваше превосходительство! – военный министр тоже поднялся из-за стола.

– Распорядитесь привести камнеметные машины в боевую готовность, – приказал Брутус. – Я хочу осадить один из северных городов, а затем перебросить через его стены конечности чумных трупов.

Дамы негромко пискнули и прижали ладони к губам. Лицо первого министра болезненно побледнело.

– Мы все знаем, что такое осада, – продолжал Брутус, не обращая внимания на изменившихся в лице придворных. – Следует ли мне, я бы спросил, пояснить, что произойдет, когда мы перебросим наши «подарки» через крепостную стену? Защитники города не смогут от них избавиться. Внутри городских стен едва ли найдется место, чтобы быстро закопать или сжечь то количество конечностей, которое я предлагаю перебросить. В считанные дни болезнь пожрет весь город, и, я бы сказал, все его защитники подохнут как мухи.

Военный министр оценивающе взглянул на Брутуса и одобрительно кивнул:

– Я считаю, это блестящий план, ваше превосходительство! Мы уничтожим подлеца его же оружием!

Придворный высоко поднял фужер с вином и торжественно заявил:

– Клянусь честью, что сегодня мы начали отсчет последних дней царствования Тэруина!

Брутус тоже наполнил фужер и поднялся из-за стола:

– Убьем их всех или погибнем сами!

Вслед за Брутусом поднялись и остальные придворные. Паладин не замечал, что некоторые из них явно не симпатизировали его плану. Он обращал внимание лишь на тех, кто искренне ненавидел Тэруина. Он упивался жаждой крови этих людей, их предвкушением мести... Единство с ними дарило паладину уверенность в себе и наполняло жизнь смыслом.

– Убьем их всех или погибнем сами! – хором вторили ему придворные.

Эхо их голосов приятным трепетом прокатилось по телу Брутуса.

## 6.

Андромеда продолжала жить в сцене в ожидании графа Шнайдера. Предместье приходило в себя, но актеры не спешили возвращаться в театр. Возможно, предполагала Андромеда, многих из них убили во время беспорядков. Поэтому театр мог пустовать еще долгое время, а у княгини пока что оставалось временное укрытие.

Княгиня приходила за едой к пожилой крестьянке. Как выяснилось, ее звали Бригитта. Первые два дня Андромеда брала у нее только фрукты, но на третий день Бригитта специально для нее принесла домашнюю еду – хлеб, морковь, свеклу и капусту. Хлеб оказался черствым, а овощи – почти сырыми. Княгиня сначала хотела отказаться от такой «невкусной помощи»,

но, хорошо подумав, решила, что она совсем ослабнет, если будет питаться одними только фруктами.

Андромеда могла бы отправиться в общественную харчевню, где местные повара готовили обед из тех продуктов, что приносили посетители. Но княгиня боялась таких заведений: в кругу состоятельных горожан они не пользовались доверием. Поэтому Андромеда решила не углубляться в среду бедняков и ограничилась знакомством с Бригиттой.

Удивительно, но день за днем дружба молодой княгини и пожилой крестьянки все больше крепла. Бригитта приносила Андромеде еду, а Андромеда в благодарность выслушивала ее бесконечные истории. Похоже, Андромеда была ее единственным слушателем, за что крестьянка сразу прониклась к ней симпатией.

Бригитта держала Андромеду в курсе всех новостей и слухов предместья. Так, однажды крестьянка рассказала о том, что окраины Мэрлоуза охватила повальная болезнь. Андромеда не удивилась: ведь в городе совсем недавно произошло крупное кровопролитие.

С каждым днем число больных росло. Бригитта становилась все более встревоженной и однажды заявила:

– Дочь моя, боюсь, мы долгое время не увидимся.

– Почему?

– Меньше слов, моя хорошая. Я должна предупредить тебя.

Андромеда удивилась. О чем простая крестьянка могла ее предупредить?

– Государь узнал о нашей беде.

– О болезни?

– Да, дочь моя. Чтобы остановить ее, князь приказал солдатам окружить Мэрлоуз и никого отсюда не выпускать.

«Только не это... Теперь граф Шнайдер точно не сможет со мной встретиться! А если болезнь доберется до центра предместья, мне несдобровать!».

– И еще, дочь моя. Государь приказал солдатам обыскать каждый дом и увести умирающих из города.

«Обыскать каждый дом?.. Значит, и театр. Ведь в нем тоже могут скрываться больные!..»

Андромеда опустила голову и задумалась. Мимо проходили горожане, останавливались, беседовали с Бригиттой и торговались с ней. Но княгиня никого не замечала.

Гвардейцы обыщут каждый дом... Что же делать? Сбежать из Мэрлоуза невозможно – предместье оцеплено гвардейцами. Спрятаться негде – у Андромеды здесь нет друзей, кроме Бригитты. Бригитта, конечно же, согласилась бы помочь. Но разве можно найти укрытие в крестьянском доме, в котором лишь одна комната и погреб? Гвардейцы сразу же ее обнаружат.

Конечно, можно вернуться в лабиринт... Но при мысли об этом княгине стало не по себе. Ей потребовалось бы настоящее мужество, чтобы спуститься одной в это жуткое место. Кроме того, Андромеда помнила, что в ночь побега кто-то во дворце закрыл дверь в храм. Возможно, гвардейцам теперь известно о существовании лабиринта, и они обыщут и его.

Что же делать? Если нет возможности найти убежище в предместье, то, может быть, Андромеда сможет из него выбраться? Но как? Кто может помочь ей в этом? Какие люди способны пробраться сквозь заслон гвардейцев?

Ответ пришел внезапно.

«...Моя госпожа, – слышался в голове голос министра казначейства, – этот трус ведет войну подлыми методами. Он заполнил рынок нашего княжества дешевыми контрабандными товарами...»

Святые небеса, ну конечно! Контрабандисты! Люди с бесценным талантом доставлять товары куда угодно. Они способны ускользнуть из-под носа часовых, пройти сквозь стены и – разумеется! – выбраться из окружения гвардейцев.

– Дорогая Бригитта! – обратилась Андромеда. – Не знаешь ли ты, где продают дешевые товары с севера?

Бригитта, конечно, удивилась необычному вопросу Андромеды, но все-таки смогла ей помочь. Ведь все местные крестьяне и ремесленники знали, где торгуют их главные соперники. Бригитта объяснила, что в центре предместья контрабандистов не бывает. Их можно найти только на окраинных улицах, которые – сплошное невезение! – охвачены болезнью.

Добрая крестьянка попыталась отговорить Андромеду от ее затеи наведаться в зараженные кварталы, но княгиня понимала, что другого выбора у нее нет. В итоге Бригитта сдалась и даже подсказала, как найти одного известного ей контрабандиста.

– Будь осторожна, дочь моя, – сказала она напоследок. – Обведут тебя вокруг пальца, несчастная, сама не заметишь.

– Не волнуйтесь, дорогая Бригитта! – улыбнулась Андромеда. – Спасибо вам за помощь! Когда-нибудь я вернусь и отблагодарю вас!

– Прощай, дочь моя, – кивнула крестьянка. – Но не бросай слов на ветер. Ты молода и красива. А впереди тебя ждет удивительная жизнь. Пройдет время, и ты забудешь старую Бригитту из Мэрлоуза.

Крестьянка сказала это с горькой усмешкой. Видимо, за долгую жизнь Бригитты немало людей давали ей обещание вернуться, но не сдержали слова.

– Дорогая Бригитта... – слегка оскорбившись, повторила Андромеда. – Я из тех людей, которые ценят щедрость и доброту. Я никогда вас не забуду. Но сейчас я должна покинуть Мэрлоуз и расстаться с вами.

– Так в добрый путь, дочь моя! – Бригитта ободряюще улыбнулась. – И будь внимательна с этими плутами!

Улыбнувшись в ответ, Андромеда покинула Бригитту и направилась прочь от центра предместья. Проходя одну улицу за другой, Андромеда ощущала растущую в душе печаль. Княгине редко доводилось встречать таких добродушных людей, как Бригитта, и ей было искренне жаль с ней расставаться.

К счастью, нужный контрабандист устроился не так далеко от центра Мэрлоуза, и Андромеде не пришлось углубляться в его окраины. Контрабандиста в предместье знали под прозвищем Красноглазый. Этим именем он был обязан своему заплывшему и почти слепому красному глазу, делающему его взгляд крайне неприятным. Красноглазый был сухощавым жилистым мужчиной со спутанными сальными волосами и вытянутым нагловатым лицом. Андромеда застала этого контрабандиста удобно развалившимся в плетеном кресле. Красноглазый сцепил руки за головой и жмурился от яркого солнца, явно наслаждаясь днем.

– Добрый день, – поздоровалась Андромеда, подойдя к Красноглазому.

Контрабандист лениво поднял веки, напугав Андромеду ядовито-красным глазом.

– Я имею честь говорить с господином Красноглазым? – уточнила княгиня.

Контрабандист сплюнул, нехотя поднялся с кресла и поправил рубаху.

– Вроде как да, это я, – буркнул он, нескромно оценивая внешность Андромеды своим отталкивающим взглядом. – Чего хотела, подруга?

– Я пришла не за товаром, а за помощью, – Андромеда сразу перешла к делу.

Красноглазый покачал головой и улыбнулся, оскалив ряд неровных черных зубов.

– Дорогая, разве я похож на мецената?

– Я не прошу денег! – возмутилась Андромеда.

Контрабандист прищелкнул языком.

– И как тебе помочь, подруга?

– Я знаю, что вы незаконно доставляете товары с севера, – прямо сказала княгиня. –

Поэтому...

Красноглазый рассмеялся.

– Кто тебе такое сказал, дорогая? Я просто торгую тем, что мне привозят! Я знать не знаю, откуда это.

– А кто вам привозит эти товары?

– Не твое дело, милая, – насмешливо ответил контрабандист. – Не суй свой любопытный носик в чужие дела. В таких делах его могут оторвать.

Андромеда предполагала, что убедить контрабандиста помочь ей будет непросто. Поэтому она заранее приготовила план. Княгиня вежливо улыбнулась, стараясь не вспылить. Затем она сняла с шеи кольцо с подвеской в форме наутилуса и продемонстрировала его Красноглазому.

– Вы видите это, господин Красноглазый? – приторным тоном спросила княгиня. – Это кольцо – серебро самой высокой пробы. Способны ли вы оценить своим торговым умишком, за сколько его можно продать?

Красноглазый сглотнул и кивнул, не сводя своего пугающего взгляда с кольца.

– А теперь, прошу вас, послушайте меня внимательно, господин Красноглазый.

Андромеда старалась говорить смело и убедительно: сейчас успех напрямую зависел от уверенности в себе. Если контрабандист почувствует слабость, он посчитает Андромеду ненадежным партнером и откажется ей помогать. Хуже того, он может запросто решиться напасть на нее и отобрать кольцо.

– Мне нет дела до того, где вы берете товар. Мне важно только одно: покинуть предместье сегодня же. И если вы поможете мне это сделать, то кольцо ваше.

Некоторое время контрабандист молчал, переводя свой заплывший взгляд с кольца на лицо Андромеды и обратно. Затем он прижал палец к губам, перегнулся через прилавок и прошептал:

– Дорогуша, я смотрю, ты не промах.

– Сочту это за комплимент.

– Завтра на рассвете я встречаюсь со своими друзьями на рыночной площади. Они, как и я, продают товары с севера. И тебе, милая, невероятно повезло. Мы тоже сматываемся из Мэрлоуза, пока сюда не нагрянули гвардейцы.

Андромеда кивнула в знак того, что поняла указания.

– Я постараюсь договориться с ними, чтобы взять тебя с собой.

– Я буду вам очень признательна.

– Но контрабандисты не привыкли доверять чужакам. Им должно быть выгодно помогать тебе, понимаешь? У тебя есть еще драгоценности, золото? Ты выглядишь как дочурка богатого купца.

Андромеда честно покачала головой:

– У меня больше нет ничего, но...

Княгиня улыбнулась. У нее не было ни гроша в кармане, но по-прежнему оставался козырь в рукаве.

– ...Но я могу торговать секретами, – многозначительно заявила она. – Я не сомневаюсь, ваши контрабандисты – мастера в своем деле. Уверена, что они могут пронести товар в любой замок и в любую крепость. Но один путь до сих пор был для них закрыт – путь в Княжеский Дворец. Я же могу показать туда тайный ход.

Слова Андромеды произвели сильный эффект. Красноглазый уставился на нее с таким выражением, будто его по лицу огрели чем-то тяжелым.

– Ты... ты это серьезно, подруга? Как... откуда тебе это известно?

Княгиня проигнорировала его вопрос:

– Как вы считаете, господин Красноглазый, это достойная плата?

– Провалиться мне на этом месте, ты еще спрашиваешь! – Красноглазый всплеснул руками. – Если ты правда покажешь тайный ход во дворец... ты станешь королевой контрабандистов, подруга.

– Меня это устраивает, – удовлетворенно сказала Андромеда. – Кулон ваш, господин Красноглазый.

Княгиня перекинула кулон через прилавок, и Красноглазый ловко его поймал.

– Держи язык за зубами, подруга, – предупредил он, жадно изучая колье. – Никто не должен знать о завтрашней встрече. Это понятно?

– Само собой.

– В таком случае до завтра, дорогуша, – Красноглазый поднял взгляд на Андромеду и снисходительно заметил: – Если ты ищешь помощи у контрабандистов, значит, ты либо глупа, либо отчаянно смела. А глупой вроде ты не кажешься...

Андромеда усмехнулась и направилась по знакомым улицам в сторону театра. Княгиня решила, что ляжет спать прямо сейчас, чтобы к рассвету почувствовать себя бодрой.

7.

Скрип!

Андромеда открыла глаза.

Что это? Что ее разбудило?

Андромеда скосила глаза и осмотрела библиотеку. За окном виднелись черные очертания улиц Мэрлоуза и далекие огни Княжеского Дворца. Лунный свет тускло освещал библиотеку и ее бесхозные богатства: письменный стол с грудой свитков и книжные шкафы с бесценной коллекцией драматургии. Библиотека, как и вся сцена, оставалась пустой. Как всегда.

«Глупая, – ласково сказала себе Андромеда, – постарайся уснуть. На рассвете тебе нужно быть уже на городской площади. И неизвестно, когда тебе снова выпадет шанс выспаться».

Андромеда подложила ладони под щеку и закрыла глаза.

Но уснуть она не успела.

Скрип!

Андромеда снова распахнула глаза и невольно потянула на себя платье, которым укрывалась.

«Нет, мне не показалось. Там, в коридоре, явно скрипнул паркет».

По спине княгини пробежал холодок.

Скрип, скрип! Странный звук раздавался все ближе к библиотеке, и вскоре Андромеда уже не могла себя обманывать: сцена не пустовала. Кроме нее, в ней сейчас находился кто-то еще. И этот кто-то приближался к библиотеке.

– Госпожа, где вы?

Андромеда чуть не подпрыгнула от неожиданности. Голос раздался прямо из-под антресоли: значит, его обладатель уже проник в библиотеку. Это был хриплый старческий голос, и княгиня даже не смогла распознать, кому он принадлежал – мужчине или женщине.

Княгиня стиснула зубы и накрылась платьем с головой. У нее оставалась слабая надежда, что незнакомец, увидев на антресоли груды театральных костюмов, ничего не заподозрит и уйдет.

Едва Андромеда укрывалась, как скрип паркета прекратился. Видимо, предположила княгиня, ее нехитрый план сработал, и незнакомец ушел из библиотеки.

Но княгиня не спешила убирать платье. Она настороженно вслушивалась в ночную тишину, но улавливала лишь громкие удары своего сердца, болезненно отдающиеся в висках. Андромеда так бы и продолжала скрываться под платьем, но через некоторое время она почувствовала нехватку свежего воздуха. К тому же под платьем стало слишком жарко.

Княгиня собрала всю свою смелость и выглянула из-под платья.

Поначалу Андромеда ничего не видела, ведь она несколько минут провела в полной темноте. Затем глаза привыкли к полумраку, и Андромеда разглядела...

Прямо перед ее носом замерло желтое старческое лицо. Бесстрастное, почти мертвое лицо... Его обладатель забрался на антресоли и все это время терпеливо ждал, пока Андромеда сама вылезет из-под платья.

Андромеда закричала.

Лицо рванулось к ней. Тут же во тьме появились желтые руки со струпьями на коже. Андромеда не успела даже сообразить, что происходит, как мерзкие пальцы зажали ей губы.

– Тише, госпожа, тише!

У Андромеды сбилось дыхание. Княгиня схватила незнакомца за руки и попыталась оторвать их от своего лица. Но незнакомец оказался сильнее. Каждый рывок Андромеды сопровождался болью на скулах.

– Госпожа, пожалуйста, тише! – повторил незнакомец. – Я не желаю вам зла!

«Как же не желаешь? Ты следил за мной всю неделю!»

Но у Андромеды не оставалось другого выхода, кроме как послушно замолчать. Княгиня оставила попытки вырваться, и незнакомец убрал руку от ее лица. Андромеда жадно глотнула воздух и приподнялась на локтях:

– Святые небеса, что вы творите? Вы меня до смерти напугали!

– Я прошу прощения. Вы, наверное, полагали, что живете здесь в одиночестве?

Незнакомцем оказался пожилой мужчина со спутанными седыми волосами и кожей болезненного цвета. Он с трудом поднялся на ноги и протянул руку Андромеде, предлагая ей помощь.

Княгиня оставила этот знак дружелюбия без внимания. Она поднялась сама, отряхнулась и поправила волосы.

– Кто вы? – с опаской спросила Андромеда.

– Я хранитель театра, – незнакомец представился и снова поклонился.

Андромеда перевела дух. Слова хранителя успокоили ее. Похоже, он напал на нее только для того, чтобы она не шумела.

– Вы все это время были здесь?

Княгиня спустилась с антресоли и упала в кресло за письменным столом. Впервые за неделю она почувствовала себя в сцене в относительной безопасности.

– Да. После погрома я остался единственным служащим театра, – пояснил хранитель, с трудом спускаясь с антресоли вслед за Андромедой. – Во время беспорядков некоторые актеры были ранены, другие – убиты, третьи бежали из предместья. Сейчас театр пустует, и я полагаю, что он будет бездействовать еще долгое время. Мне остается лишь беречь его от мародеров и ждать возвращения актеров.

– Вы не прогнали меня... – сказала Андромеда с благодарностью в голосе.

– Вы искали убежища, и я не мог отказать вам.

Хранитель с тяжелым вздохом опустился в кресло напротив Андромеды.

– Я не мог вам ничем помочь, – продолжал хранитель. – У меня, как и у вас, не осталось ни еды, ни воды. Поэтому я и не стал знакомиться с вами. Я затаился и наблюдал за вами издали, не переставая восхищаться вашей находчивостью. Лавсония, индигофера, восковые свечи... Вы удачно пустили в ход скромные ресурсы театра.

Андромеда улыбнулась:

– Благодарю вас за то, что позволили мне взять их. И все же... вы скрывались от меня всю неделю. Что же заставило вас прийти ко мне сегодня?

Хранитель поерзал в кресле, извлек небольшой свиток пергамента и показал его Андромеде. Княгиня прищурилась и даже в тусклом лунном свете разглядела на свитке печать... Княжеского Дворца.

Откуда у хранителя театра письмо из Княжеского Дворца? И почему он доставил его Андромеде? Неужели этот мужчина знает, что она не простая беженка?

– У вас хорошие связи в столице, – заметил хранитель театра.

– Это письмо адресовано мне?

– Полагаю, что так, ваша милость.

«Просто „ваша милость“... значит, он все-таки не догадывается, кто я».

– Сегодня ночью на вершину театрона<sup>6</sup> поднялся загадочный господин...

«Граф Шнайдер! Я упустила его!»

– ...полагаю, он собирался застать там вас. Но вас там не оказалось. Поэтому господин спустился и постучался в сцену. Я открыл ему дверь, но господин не вошел. Он просто протянул мне это письмо и сказал: «Я знаю, здесь прячется одна госпожа. Передайте это ей».

– И все? – удивилась Андромеда. – А если я не та госпожа, которой нужно передать письмо? И что если...

Княгиня осеклась на полуслове.

– ...если бы послание вскрыл я? – закончил за нее хранитель. – Полагаю, вы, госпожа, не из нашего края. В Мэрлоузе меня знают все – от младенцев до стариков – ведь я хранитель главной ценности предместья. Мне доверяют даже больше, чем монахам. Уверю вас, я не читал письмо.

Хранитель протянул руку и положил свиток на стол.

– Вот оно. В целости и сохранности.

Княгиня взяла письмо и вскрыла печать. Наконец-то она узнает, почему граф Шнайдер так долго отсутствовал! Андромеда изголодалась по новостям и была рада, что неизвестность скоро закончится. Княгиня испытала легкий трепет, какой бывает перед долгожданной встречей со старым другом.

– Спасибо вам! – сказала она и улыбнулась. – Только в следующий раз, когда решите передать мне корреспонденцию, прошу вас, не пугайте меня!

Хранитель улыбнулся и кивнул. Княгиня развернула послание, и с первых же строк трепет в ее груди сменился давящей тяжестью. Андромеда прочитала первые предложения и не поверила своим глазам. Княгиня перечитала их второй раз, затем третий... Она наивно надеялась, что ошибается и неправильно истолковывает прочитанное, но слова графа Шнайдера были беспощадно ясны.

«Мне доложили, что именно вы позволили паладину Брутусу объявить охоту на подданных, исповедующих западную веру. Я долго отказывался этому верить, но получил неопровержимые тому доказательства.

Должен признать, вы – непревзойденный игрок. Вы обвели вокруг пальца всех: придворных, паладина Брутуса, князя Мэруина и меня, вашего покорного слугу. Вы безжалостно использовали человеческие ресурсы, распоряжаясь ими так, словно люди – лишь фигуры в вашей игре.

Вы разрешили паладину Брутусу убивать подданных только для того, чтобы доставить неприятности государю. Это жестокий, по-настоящему бесчеловечный план.

Я отказываюсь вам помогать. Я выполнил обещание: я помог вам бежать. Помочь вам обрести свободу я не могу. Я не знаю, что такое свобода. В нашем мире никто этого не знает.

Подданные служат монарху. Они оберегают его от голода, холода, болезней и защищают его интересы на войне. В благодарность монарх служит народу и, если требуется, тоже отдает за него жизнь.

---

<sup>6</sup> Театрон – наклонная поверхность с местами для зрителей.

У вас была возможность стать героиней. Вы могли разменять личную свободу на свободу герцогства Ла-Шерле. Это стало бы вашей жертвой, возложенной на алтарь благополучия родины. Но гордость и себялюбие взяли верх над вашей честью.

Вы прекрасно понимали, что герцогство Ла-Шерле в безопасности, пока у князя Мэруина есть вы. Ваше исчезновение развязало ему руки, да к тому же повредило рассудок. Не сомневайтесь, скоро он вернется в герцогство Ла-Шерле и поставит вашу семью на колени. А затем вернет под свои знамена северные графства и убьет брата. После этого, конечно же, он двинется покорять Запад. А вместе с нашим государем на завоеванные земли придет и паладин Брутус. Скоро никто и нигде не сможет чувствовать себя в безопасности.

Еще не поздно все исправить. Раскайтесь. Вернитесь во дворец. Вы спасете и себя, и целые народы».

Андромеда перечитала письмо несколько раз. Она ощущала, как у нее из рук ускользает единственная спасительная нить. Чувствовала, как оказывается во власти одиночества и беспомощности.

Теперь она одна. Совсем одна.

Она предала супруга. Подвела графа Шнайдера. Навредила всей стране, отдав ее на растерзание паладину Брутусу. Кто у нее остался? Только семья. Но, сбежав от князя Мэруина, она навредила и ей. Родные ей этого не простят. Если Андромеда вернется домой, отец и мать, вероятно, снова выдадут ее супругу, как только он объявит войну герцогству Ла-Шерле.

Одна. Совсем одна против двух государств. Против целого мира.

Слова графа вызывали у Андромены отвращение. Это было мерзкое письмо, полное некрасивых, недостойных дворянина слов. Ни один уважающий себя мужчина не написал бы такое письмо женщине... тем более княгине.

Бесчеловечный план. Себялюбие. Гордость.

Андромеде захотелось ударить графа по лицу, приказать его высечь... заставить пожалеть о каждом слове. Но у нее больше не было слуг. У нее вообще больше ничего не оставалось. «Непревзойденный игрок»... да уж, конечно. Как можно было не предусмотреть путей отступления? Как можно было вообще понадеяться на одного-единственного человека?

Одна. Совсем одна.

Княгиня чувствовала, что в ее сердце просыпается давно забытое чувство. Всю неделю Андромеда старалась отвязаться от него, запечатать в глубине души. Но письмо графа Шнайдера снова его пробудило.

Раскаяние.

– Нет, – прошептала Андромеда и смяла пергамент в комок. – Я зашла слишком далеко. Отступить поздно.

Княгиня встала из-за стола и подошла к окну. Небо на востоке уже побледнело, но Андромеда знала, что солнце взойдет еще не скоро и у нее еще остается в запасе время, чтобы разыскать контрабандистов.

Из окна библиотеки открывался завораживающий вид.

Над городскими крышами возносился черный силуэт Княжеского Дворца – замка колоссальных размеров в форме пирамиды. Резиденцию возвели предки Мэруина и Тэруина, создав колыбель той необузданной силы, что штормовой волной обрушилась на все народы Востока.

Словно корни могучего дерева, все дороги покоренных провинций вели к этому замку – бьющемуся сердцу княжества. И по этим трактам денно и ночью тянулись бесконечные вереницы торговцев, посланцев, рекрутов и сборщиков податей, чтобы насытить прожорливую столицу – тысячи слуг, гвардейцев, сановников и знатных семей со всего света, преклонивших колена перед волей князя Мэруина.

Княжеский Дворец вмещал население целого города и исполинской горой нависал над предместьями, что окружали столицу. В мягком утреннем свете замок постепенно проступал

из сумрака, и в его силуэте прорисовывались грозные зубчатые стены, острые шпили башен, богатые висячие сады и устрашающие камнеметные орудия. И лишь по спущенным флагам можно было догадаться, что недавно в нем произошла трагедия. А пожара как не бывало – Андромеда, как ни старалась, не могла разглядеть даже его следов.

– Подумать только!.. – тихо произнесла Андромеда, чтобы хранитель ее не услышал. – Семь лет подряд я стояла на стенах этого замка и наблюдала за равниной. И только в самых смелых мечтах я могла представить, что когда-нибудь мир перевернется: я буду жить на равнине и отсюда смотреть на стены замка. И вот я здесь.

Андромеда перевела взгляд на предместье Мэрлоуз. Недалеко от ратуши с высокой башенкой она разглядела рыночную площадь, на которой все еще виднелись виселицы – напоминание о новом порядке для отступников веры.

– А мир действительно перевернулся, – добавила Андромеда. – Тысячи людей оказались в беде... ради моей мечты о свободе. Но я не должна об этом жалеть. Я зашла слишком далеко.

Отыскав глазами рыночную площадь, Андромеда постаралась запомнить к ней дорогу. Что ж. Пора уходить.

– Господин хранитель, – обратилась Андромеда. – Спасибо за то, что не прогнали меня. Если когда-нибудь мы с вами встретимся, я найду способ отблагодарить вас.

Хранитель театра внимательно посмотрел на Андромеду мудрыми глазами:

– Я не знаю, кто вы, и не знаю, куда вы направляетесь...

«Я и сама этого теперь не знаю», – подумала княгиня.

– ...но я вижу в вас добро и свет, пусть даже сейчас их затмила обида. Поэтому пусть Белая Звезда всегда освещает ваш путь, а небо хранит ваше счастье.

Андромеда вяло улыбнулась, не в силах подобрать слов благодарности: прощание хранителя напомнило ей напутствие графа Шнайдера.

## 8.

Рыночная площадь пустовала. Здесь больше не было крестьян и ремесленников, готовящих товар к продаже. И уж, конечно, нельзя было встретить жонглеров и музыкантов, наряжающихся для утреннего выступления. Торговые лавки были сломаны, скромный уличный театр сожжен. Гвардейцы покинули Мэрлоуз неделю назад, но до сих пор никто не осмелился убраться с площади виселицы.

Неудивительно, что рыночная площадь стала подходящим местом для тайной встречи. Контрабандисты уже запрягли лошадей в крытые повозки – фургоны – и ждали только Андромеду, чтобы двинуться в путь.

Контрабандисты отнеслись к Андромеде с недоверием, но княгиня не могла их за это упрекнуть: ее предложение действительно походило на ловушку. Поэтому княгиня предложила контрабандистам не спускаться в лабиринт всем сразу и не рисковать большинством, а отправить на разведку только одного из них. Мужчинам эта идея пришлась по душе, и они охотно бросили жребий, чтобы выбрать разведчика. Выбор пал на Красноглазого, и это показалось Андромеде забавной случайностью.

Впрочем, она даже обрадовалась его обществу. Андромеда была уже знакома с этим контрабандистом и чувствовала себя с ним спокойнее. К тому же Красноглазый, в отличие от своих товарищей, то и дело разбавлял тишину шутками и ехидными замечаниями.

Андромеда и Красноглазый проходили один зал лабиринта за другим. Удивительно, но подземелья больше не внушали княгине такого страха, как неделю назад. Почему-то рядом с Красноглазым Андромеда чувствовала себя в безопасности. Возможно, контрабандист казался ей сильнее и выносливее графа Шнайдера и профессора Реджиса – мужчин, которые жили в тепличном воздухе дворца. Но, скорее всего, Андромеда просто больше ему доверяла. Граф Шнайдер и профессор Реджис помогали ей бескорыстно, а Красноглазый был связан с ней прочными отношениями материальной выгоды.

Лабиринт закончился языческим храмом, с которого неделю назад и начался побег Андромеды. Едва оглядев знакомую ротонду, княгиня испытала неприятное чувство. Ей показалось, будто все, что она совершила, оказалось напрасным, и судьба сама вернула ее во дворец. Но умом княгиня понимала странный парадокс: чем ближе она ко дворцу, тем дальше она от него. Чем скорее Красноглазый убедится в безопасности хода, тем скорее контрабандисты помогут ей бежать из предместья Мэрлоуз.

Удивительно, но вход во дворец оказался не заперт.

– Обычно эта дверь закрыта, – пояснила Андромеда Красноглазому. – В следующий раз, возможно, ее придется взламывать.

– Закрытые двери не препятствие для контрабандиста, моя королева, – усмехнулся Красноглазый.

– Королева? – Андромеда удивленно подняла бровь. На мгновение она испугалась, что Красноглазый догадался, кто она на самом деле.

– Я же обещал тебе, что ты станешь королевой контрабандистов, если покажешь ход во дворец, – мужчина подмигнул Андромеде здоровым глазом. – В резиденции князя живет много богатеньких покупателей, которые – несчастные! – не могут получить товар из-за охраны. А теперь, когда ты открыла нам дорогу во дворец, мы сможем удовлетворить их спрос. И все благодаря вашему королевскому величеству.

Андромеда кокетливо улыбнулась:

– В таком случае, мой вассал, не будем терять времени. Ступай и убедись, что эти подземелья ведут в резиденцию!

– Будет исполнено!

## 9.

Степь... бескрайнее травяное море.

Раньше степной пейзаж навевал на Андромеду тоску. Пустота земель Мэруина была непривычна княгине, ведь она провела детство в многовековых лесах. Но сейчас степь помогала Андромеде забыться. Взгляд княгини тонул в широких объятиях равнины, ее мысли становились медленнее и спокойнее.

Андромеда дни и ночи сидела у входа в фургон и ни с кем не разговаривала.

Она перебрасывалась словами только с Красноглазым, когда во время остановок он приносил ей еду и настойчиво уговаривал поесть. Красноглазый вообще решил взять княгиню под свое покровительство. Он запретил остальным контрабандистам приставать к Андромеде с расспросами, хотя, наверное, ему самому было любопытно, кто она такая и откуда ей известен тайный ход во дворец. Красноглазый даже выделил княгине отдельный фургон, чтобы остальные путешественники ее не смущали. А однажды, когда они проезжали через поле золотистых цветов с говорящим названием «солнечная шляпа», Красноглазый сплел для Андромеды венки и назвал его «короной для королевы контрабандистов».

Княгиня была благодарна Красноглазому за попытки развеселить ее и даже послушно проносила «короны» до конца вечера. Но в душе у нее поселилась тоска. После нескольких дней путешествия вся жизнь стала представляться Андромеде не более чем одним длинным сном. Воспоминания бледнели, и Андромеде казалось, будто у нее и не было прошлого.

Не было детства в Ла-Шерле, не было семьи, друзей, свадьбы с Мэруином и семилетнего правления княжеством... У нее теперь не было даже имени. Ведь Андромеда – имя супруги Мэруина и государыни его княжества. А она больше не была этой женщиной. Все, что у нее осталось – путешествие с контрабандистами.

День за днем фугоны двигались куда-то на север. Андромеда могла покинуть контрабандистов сразу после того, как они пересекли оцепление, но решила остаться с ними. Ведь у нее не было ни еды, ни денег, чтобы держать путь в герцогство Ла-Шерле самостоятельно. Поэтому княгиня решила ничего не предпринимать и довериться судьбе.

## Глава 4. Темный лес

### 1.

В эту ночь Княжеский Дворец не спал.

В его окнах горел огонь, на балконах и в висячих садах толпились придворные, а башни переливались колокольным звоном и рокотали барабанами. И эти странные, необычные для дремлющей долины звуки разносились на много миль вокруг. Они пробуждали ото сна жителей предместий, заставляли их раскрывать ставни и вглядываться в ночную темноту. Не в состоянии уснуть от грохота, горожане высыпали на улицу и устремляли любопытные взгляды на замок.

К полуночи звон колоколов окончательно смолк, зато грохот барабанов только усилился. Из темноты послышался звук строевого марша: к предместьям приближались сотни, даже тысячи солдат.

Многие горожане поспешили разбежаться по домам, а особо пугливые еще и укрепили двери, подперев их мебелью. Но солдаты обошли предместья стороной. Некоторые ловкие горожане – в основном мальчишки да бездельники-музыканты – забрались на крыши и наблюдали, как через столичную долину тянется длинная, по-настоящему бесконечная процессия: пехота, княжеская гвардия, конница и сотня быков, тянущая за собой конструкции грандиозных размеров – метательные машины. Знаменосцы торжественно несли штандарты – алые полотна с изображением льва. Герольды громко выкрикивали девиз, который с восторгом подхватывали гвардия и конница: «Одно небо! Один господин! Один народ!». Барабанщики продолжали громогласный бой, и, казалось, сама земля сотрясалась, предвещая великую битву.

Мальчишки смотрели на эту картину глазами, полными восхищения. Они ликовали и салютовали войску Мэруина: им уже не терпелось подрасти, чтобы лично занять место в этой гордой процессии. А тем временем в темных спальнях их матери молились о том, чтобы князь помиловал их детей и не отправил на север вслед за мужьями.

Но князь Мэруин больше не ведал милосердия. Многие годы смягчить его жестокое сердце могла лишь Андромеда – прекрасная, но несчастная принцесса герцогства Ла-Шерле. Коварный народ украл ее – и тем самым вынес себе приговор.

### 2.

Чем дальше путники продвигались на север, тем сильнее менялась погода. В южных графствах осень только вступала в свои права, и солнце продолжало заботливо согревать землю теплыми, но уже нежаркими лучами. Однако север княжества уже успел попрощаться с летом. Небо здесь покрывали черные облака, которые то и дело проливали на путников ледяной дождь. Теперь контрабандисты ужинали не у костра, а в фургонах, укрывшись в них от ливня и пронизывающего ветра. Часто случалось так, что из-за дождя путникам и вовсе не удавалось разжечь костер, и тогда они ложились спать голодными.

Самое неприятное, что из-за капризов погоды дорога превратилась в сплошное болото, в котором застревали колеса. Контрабандистам приходилось останавливаться и под дождем вызволять фургоны из грязи. Путники промокали, их одежда не успевала высыхать, и вскоре двое простудились.

Видя, как трудно приходится ее спутникам, Андромеда старалась помочь – стирала одежду, кипятила воду, чистила овощи. Много Андромеда делала впервые, поэтому поначалу она справлялась довольно неуклюже. Часто княгиня слышала у себя за спиной насмешки и недовольное ворчание. В такие моменты ей хотелось бросить работу и спрятаться от стыда.

Спала Андромеда в своем, отдельном фургоне, но остальное время предпочитала проводить с контрабандистами. В фургоне мужчин было теплее, а их компания оказалась на удивление приятной. Андромеда не знала, что толкнуло ее спутников на стезю преступления, но

во время путешествия они показали себя как порядочные люди. Они заботились друг о друге, честно делили между собой провизию, а к своей спутнице относились внимательно и учтиво. А ночами, уже после ужина, рассказывали захватывающие истории и пели песни.

В такие моменты княгиня любила сидеть у выхода из фургона и наблюдать за ночным пейзажем. Мимо нее проплывали древние деревья – немые свидетели событий старинных преданий, хранящие воспоминания о героях легенд и их подвигах. Было в этом что-то уютное – ехать в компании чужих, но надежных людей через ночной лес и слушать рассказы о жутких существах, которые в нем обитают: оборотнях, упырях, болотниках. Временами Андромеда и в самом деле замечала, как между деревьев, а то и через тропинку прошмыгнет какая-то крупная тень. Княгиня знала, что наутро она упрекнет себя за наивность, но в ночное время ее охватывал трепет. Не страх, а именно приятный, пробуждающий воображение трепет. Андромеда опасливо отсаживалась от края фургона и внимательнее всматривалась в ночной лес.

– Наша королева неблагосклонна к нам, – сказал в одну из таких ночей Красноглазый.

В фургоне было темно, и Андромеда узнала Красноглазого лишь по голосу. Она отвернулась от дороги и перевела взгляд внутрь фургона. В темноте она разглядела расплывчатые силуэты пятерых мужчин, один из которых держал гитару. Шестой, их командир, оставался снаружи и направлял лошадей. Андромеда не видела, но догадывалась, что все контрабандисты сейчас смотрят на нее.

– Что заставляет вас так думать, мой вассал?

Обращение Красноглазого застало Андромеду врасплох: она думала, что контрабандисты увлеклись песнями и забыли про нее.

– Ваши подданные уже много ночей развлекают ваше величество историями и песнями, – донесся из темноты фургона ответ Красноглазого, – а королева не желает отблагодарить их и порадовать своим голосом.

Андромеда наигранно усмехнулась и махнула рукой:

– Ваша королева поет еще хуже, чем готовит.

Контрабандисты добродушно засмеялись, и Андромеда невольно улыбнулась. Впервые она оказалась в обществе простых людей, которые не пытались польстить.

И все же она солгала. Конечно, Андромеда умела петь и делала это прекрасно. Иначе и не могло быть, ведь ее учили самые талантливые музыканты герцогства Ла-Шерле. Но о чем она могла спеть сейчас, когда ее душу терзали сомнения и неизвестность?

– Вы редко разговариваете с нами, дорогая гостья, – к разговору присоединился другой контрабандист. – Но когда вы говорите, вокруг смолкают птицы. Ведь у вас чудесный голос.

Андромеда снова улыбнулась. Она никак не ожидала услышать такой комплимент от контрабандиста.

– Я спою для вас, – согласилась княгиня.

Гитарист начал перебирать простую мелодию, и сердце Андромеды слегка затрепетало. Темный лес, уханье совы, запах хвойных деревьев и тихий перебор гитары... Это была необычная, незнакомая Андромеде атмосфера.

Бегу я сквозь лес  
Под сводом черных  
Осенних небес.  
Мои руки в крови  
Того, кто пленил  
Меня ради любви.

Слова сложились сами собой. Княгиня просто пропела то, что ее тревожило, о чем она так долго думала. Андромеда была удивлена: несмотря на годы, проведенные без музыки, ее

голос звучал по-прежнему звонко. Она была рада дать волю эмоциям и вновь ощутить приятное напряжение голосовых связок. Андромеда закрыла глаза и запела смелее.

Душа рвется в полет  
От подлых очей,  
Одиноких ночей  
И лживых речей.

Недавние события вновь представляли перед глазами Андромеды и находили выход в незатейливых строках. Княгиня верила, что природа чувствует ее переживания, и ей казалось, что сейчас сам лес внемлет ее песне.

Была я семь лет  
Женой палача  
И трофеем побед.  
Но выбрала путь  
Обмана и зла,  
Чтоб свободу вернуть.  
Душа рвется в полет  
От подлых очей,  
Одиноких ночей  
И лживых речей.

Гитарист перешел с мелодичного перебора на энергичный бой, и нехитрая песня захлестнула Андромеду с головой. Она запела еще громче, еще смелее протягивая гласные. Песня бодрила ее, заставляла очнуться от долгих размышлений и зарождала в сердце надежду.

Я помню тот миг:  
Издали мой палач  
Удивления крик.  
Я вижу глаза,  
Что страха полны  
Словно болью слеза.  
Мои руки в крови  
Того, кто украл  
Меня ради любви.

Вдруг сквозь закрытые веки пробился яркий свет. Удивленная княгиня открыла глаза и обнаружила, что лес отступил и фургон теперь едет вдоль рва некой крепости. Слепящие огни сторожевых башен осветили фургон, и Андромеда невольно взглянула в сторону контрабандистов. Мужчины сосредоточились на песне, и, казалось, приближение крепости их не взволновало. Песня Андромеды пробудила в их памяти то время, когда они сами сошли с пути честных людей.

Но каждый рассвет  
Мне в сердце несет  
Раскаянья свет  
И шепчет совет:  
«Вернись назад, вернись к нему».

Андромеда подмигнула контрабандистам, и они подхватили припев. Ночную тишину разорвал нестройный хор грубых голосов. За много лет Андромеда впервые почувствовала, что она счастлива. Казалось, весь мир уменьшился и сосредоточился на семерых путниках с добрыми сердцами, но нечистыми деяниями.

Но душа рвется в полет  
От подлых очей,  
Одиноких ночей  
И лживых речей.  
Рвется в полет!  
От подлых очей,  
Одиноких ночей  
И лживых речей.

Когда Андромеда закончила, фургон находился уже совсем близко к мосту через ров. Контрабандисты поблагодарили ее за песню и тут же начали подготовку к высадке. Они принялись собирать вещи, что-то переключать и пересчитывать. В этой суете не принимал участие лишь Красноглазый. Он подошел к выходу из фургона и присел рядом с Андромедой.

– Эту песню сочинила ты, я угадал? – спросил он.

Андромеда смущенно отвернулась и устремила взгляд в сторону крепости. Только сейчас она поняла, как сильно ее компрометирует это глупое сочинение.

– Верно, – неохотно призналась княгиня.

Красноглазый помолчал.

– Я не знаю твоей жизни, подруга, – произнес он, подумав, – но теперь понимаю, что ты, как и мы, натворила дел.

Андромеда ничего не ответила.

– Но, дорогая, такова природа человека. В этом подлом мире очень мало достойных людей, по-настоящему честных. Каждый из нас в свое время оступается, сходит с дороги. Воины дезертируют, сановники берут взятки, купцы наживаются на контрабанде... а жены убегают от мужей. Важно лишь не забыть вернуться на эту дорогу. Ведь, однажды сойдя с нее, можно ее потерять. А можно, наоборот, раскаяться и постараться все исправить.

– В моем случае возвращение ничего не изменит, – сухо ответила Андромеда, думая о несчастных жителях Мэрлоуза.

– Но можно постараться сделать много других добрых дел, которые исправят то, что ты совершила.

Андромеда обхватила колени и опустила на них подбородок.

– Я бы никогда не подумала, что ты умеешь говорить так красиво, – призналась она.

– Принимали меня за дурака, ваше величество? – усмехнулся Красноглазый. – Так я и есть дурак, иначе бы давно занялся честным ремеслом. Но когда моей госпоже нужна помощь, я становлюсь ее мудрым советником.

Княгиня улыбнулась:

– Спасибо тебе, – искренне сказала она. – Без твоей помощи я бы пропала.

На этот раз Красноглазый ничего не ответил. Княгиня и контрабандист с минуту молчали, наблюдая за тем, как лес отступает и скрывается в ночной темноте.

– Где мы? – спросила Андромеда. – Мы приехали закупить провизию?

– Боюсь, что нет, подруга. Это место – цель нашего путешествия.

Андромеда почувствовала, как ее грудь наполняется тяжестью. Княгиня будто бы забыла, что путешествие рано или поздно должно закончиться. И что теперь? Куда она пойдет дальше?

– И что же это за место?

– Крепость Клайнбург. Здесь мы получаем товар и доставляем его в предместья столицы. Княгиня подняла бровь:

– Крепость Клайнбург? Разве это торговый город?

– Нет, дорогуша, это оборонительный рубеж князя Тэруина, и живут здесь только солдаты.

– Но как связаны война и торговля?

– Наша торговля, – подмигнул Красноглазый, – это оружие Тэруина. Нет, даже не спрашивай. Мы не знаем, что задумал князь. Мы контрабандисты и, в отличие от честных купцов, мало что смыслим в торговле. Но за эту работу мы получаем приличное вознаграждение.

Короткий остаток пути Андромеда и Красноглазый не разговаривали. Вереница фургонов проехала по опущенному мосту, миновала толстые крепостные стены и оказалась во внутреннем дворе укрепления.

Этот двор сильно отличался от тех, к которым привыкла Андромеда. Все свободное пространство занимали стойла, сено для лошадей и установки для тренировок – столбы с мишенью для ударов копьем и мечом.

Навстречу фургонам из крепости высыпали мужчины в небесно-лазурных туниках, надевших поверх кольчуги. Солдаты Тэруина принялись разгружать фургоны и распрягать лошадей.

Все контрабандисты, кроме Красноглазого, вышли из фургона и присоединились к работе. Красноглазый же остался в фургоне с Андромедой:

– Скажу честно, подруга, женщины в этой крепости бывают редко. Поэтому нужно постараться правильно представить тебя Антонию фон Фишеру.

– Представить кому?..

Не успела Андромеда задать вопрос, как вся суeta вокруг фургонов внезапно прекратилась. Солдаты, словно по команде, расступились, чтобы освободить дорогу к внутренним воротам крепости.

Из ворот вышел высокий мужчина крепкого телосложения. В отличие от солдат, на нем не было даже кольчуги, не говоря уже о доспехах. Несмотря на прохладную погоду, оделся он очень легко: на нем были только кожаные брюки и рубаха, распахнутая на середине груди. Этот мужчина явно был родом издалека: его глаза отличались узким разрезом и воинственностью, а лицо – выразительностью и необычной красотой. Прическа этого человека тоже показалась Андромеде странной – его густые черные волосы были собраны в хвост, как у кочевников на западе.

– Как раз вот этому типу, – пояснил Красноглазый. – Антоний фон Фишер. Первый министр князя Тэруина и генерал-капитан его войска.

«Первый министр? – удивилась Андромеда. – Когда же он успел заслужить такой чин? Ведь он так молод! Ему нет и тридцати лет!..».

Антоний фон Фишер неспешно прошествовал от ворот к фургонам. Навстречу ему, запыхавшись, выбежал глава контрабандистов – полноватый мужчина с пышными усами.

– Позвольте засвидетельствовать вам мое почтение, ваше превосходительство!

Мужчина низко поклонился, но Антоний фон Фишер промолчал, рассматривая контрабандиста.

– Ваше превосходительство, я принес плохие вести.

Фишер вопросительно поднял бровь.

– Мы продавали товар по указанной вами цене, но понесли одни лишь убытки. К тому же должен с прискорбием сообщить, что по дороге в предместье Мэрлоуз половину отряда скосила неизвестная болезнь. Мои люди умирали так быстро, что нам ничего не оставалось, кроме как хоронить их возле тракта.

– Не волнуйтесь на этот счет, мой друг, – ленивым вкрадчивым голосом ответил Антоний фон Фишер. – Гонцы из предместий узурпатора отрапортовали, что вы сделали все правильно. Утром зайдите ко мне и заберите вознаграждение.

– Ваше превосходительство!.. – задыхаясь от благодарности, командир снова низко поклонился.

– Его Величество князь Тэруин не оставляет верных слуг без награды, – слегка торжественно заявил Антоний фон Фишер, после чего развернулся, чтобы покинуть двор.

На мгновение командир растерялся, но затем все же нашел смелость окликнуть министра:

– Ваше превосходительство!

Антоний фон Фишер обернулся.

– Позвольте доложить... – замялся контрабандист. – По пути в Клайнбург к нам присоединилась девушка... беженка. У нее нет дома и ей некуда идти. Прошу вас позволить ей остаться с нами в крепости...

Реакция молодого министра застала Андромеду врасплох. Он недовольно нахмурился и театральным жестом развел руками:

– Господа, – приторным голосом обратился он к контрабандистам, – похоже, вы не совсем правильно поняли условия договора. Торговля в Мэрлоузе – это не увеселительная прогулка с дамами. А крепость Клайнбург – не приют для бродяг. Это пограничное укрепление!

Ласковые ноты исчезли из голоса Фишера.

– У вас нет права приводить в крепость посторонних людей. Тем более женщин! Каждый из вас, – министр с недовольством указал на контрабандистов, – понесет серьезное наказание. Но я не жесток, – добавил он мягче и криво улыбнулся. – Я не стану наказывать вашу беженку за то, что она связалась с олухами. Она останется здесь служанкой... и насладится компанией моих солдат. Все-таки война с узурпатором – дело долгое и непростое. Мои люди заслужили развлечения.

По спине Андромеды побежали мурашки.

«Святые небеса, я вам не попрошайка! Я дворянка!.. Вы не имеете права даже прикасаться ко мне!»

Как же легко она угодила в эту ловушку! Какая же она глупая! Нужно было уйти от контрабандистов сразу же, как только фургоны выехали из Мэрлоуза! А теперь она оказалась одна во власти целого гарнизона вражеской армии.

«Так или иначе, я им не дам, – хладнокровно решила Андромеда и сжала кулаки. – Наследница герцогства Ла-Шерле сумеет отстоять свою честь».

– Ну и где же ваша женщина? – послышался снаружи фургона голос молодого министра. – Покажите ее мне!

«Мне нечего терять, – подумала Андромеда и удивилась своей внезапной решительности. – Жизнь и так отняла у меня слишком много. У меня осталось только дворянское достоинство. И уж его-то я сумею сохранить!»

Времени на размышления не оставалось. Андромеда внезапно вскочила на ноги и что есть силы оттолкнула от себя Красноглазого.

– Ты что, спятила? – возмутился контрабандист, ошарашенно округлив глаза.

Красноглазый растерялся всего на пару мгновений, но этого времени хватило Андромеде, чтобы выхватить из его ножен кинжал. Заполучив оружие, княгиня без объяснений вылетела из фургона и спрыгнула на землю...

...чтобы столкнуться лицом к лицу с молодым министром.

Во дворе крепости воцарилась полная тишина. Антоний фон Фишер, склонив голову набок, изучал Андромеду своим пристальным взглядом. Командир контрабандистов замер неподалеку и тяжело дышал.

– Никто из вас меня не тронет, – заявила Андромеда и продемонстрировала собравшимся кинжал.

Несколько мгновений солдаты еще продолжали сохранять тишину. Затем, словно по команде, гарнизон разразился издевательским хохотом. Лицо Андромеды тут же залилось краской. Смех солдат остудил ее решительность.

Антоний фон Фишер тоже улыбнулся и, когда смех солдат утих, мягко спросил:

– Ты собираешься драться, девочка?

Княгиня сжала губы и направила острие прямо в лицо министру. Антоний фон Фишер блеснул глазами.

– Ты собираешься драться со мной? – уточнил Антоний.

Во рту Андромеды пересохло. Решительность, заставившая схватиться за кинжал, вдруг отступила, и на смену ей пришел страх. Но княгиня умела сохранять самообладание. Она гордо подняла голову и, стараясь унять предательскую дрожь в голосе, заявила:

– Даже если бы я родилась мужчиной, я бы не стала унижать себя сражением с таким бесчестным человеком, как вы.

По двору прошел шепот, а командир контрабандистов испуганно икнул. Самодовольство Антония фон Фишера как рукой сняло, и его лицо перекосило такое выражение, будто он только что получил оплеуху.

– Я не глупа, чтобы сражаться с вами и вашими людьми, – продолжала княгиня, снова набираясь смелости. – Но, если кто-то из вас посмеет сделать хоть шаг ко мне, я, клянусь небесами, убью себя этим кинжалом.

Антоний фон Фишер натянуто улыбнулся. Похоже, что смелое поведение Андромеды стало для него полной неожиданностью. И прежде чем министр успел сказать в ответ хоть слово, Андромеда ощутила на своем плече тяжесть чьей-то руки и услышала дерзкий голос:

– Но сначала этому храбрецу придется убить меня!

Андромеда почувствовала невыразимую благодарность Красноглазому. Пусть она не строила наивных надежд, что им вдвоем удастся выстоять против гарнизона, но княгиня была растрогана готовностью Красноглазого пожертвовать собой ради нее.

– И сразиться со мной! – заявил еще один контрабандист, и Андромеда услышала лязг металла – второй ее защитник достал кинжал.

Лицо главаря контрабандистов побледнело, а его усы, казалось, слегка поникли.

– И со мной! – в унисон выкрикнули еще три контрабандиста и шагнули вперед, заслонив Андромеду.

Антоний фон Фишер разочарованно покачал головой. Андромеда, глядя на лицо первого министра, поняла, что тот не оставит без наказания дерзость шайки незаконных торговцев и девушки-беглянки. С минуты на минуту он отдаст приказ убить всех шестерых. Но княгиня уже не боялась этого. Было бы страшно умереть в одиночестве на глазах сотни солдат. Но в душе нет места страху, когда рядом плечом к плечу стоят пять смельчаков, готовых разделить роковую участь.

– Не поймите нас неправильно, ваше превосходительство, – наконец заключил главарь контрабандистов, – но эта девушка перенесла с нами все тяготы долгого путешествия. Она стала частью нашей команды. А друг за друга мы деремся до последней капли крови.

Казалось, что воздух во дворе накалился до предела. Андромеда крепко сжала кинжал и следила за Антонием фон Фишером из-за спин контрабандистов.

Наконец молодой министр криво усмехнулся и произнес обычным ленивым тоном:

– Если мне понадобится ваша кровь, господин командир, я дам вам знать. А сейчас попрошу вас немедленно покинуть крепость Клайнбург и впредь никогда здесь не появляться.

Затем он перевел взгляд на Андромеду. Стоявшие впереди нее контрабандисты почувствовали угрозу и сдвинулись плотнее.

– Ваша отвага, очаровательная госпожа, делает вам честь, – изрек министр ласковым тоном, в котором угрозы было больше, чем в его гневной речи. – Не каждая дама способна бросить вызов целому гарнизону. А смелость, как многие знают, я ценю превыше всего. Поэтому позвольте пригласить вас остаться в крепости в качестве моего почетного гостя.

Слова молодого министра вызвали у Андромеды недоумение, но княгиня быстро нашла, что ответить:

– Я глубоко польщена приглашением, ваше превосходительство, – сказала Андромеда, подыгрывая светской манере Антония фон Фишера, – но я вынуждена его отвергнуть. Мои друзья, – Андромеда указала на контрабандистов, – будут скучать по мне. Я не смею их оставить.

Антоний фон Фишер слегка повысил тон:

– Сожалею, прекрасная госпожа, но я вижу только два решения нашего разногласия. Ваши друзья немедленно уезжают из крепости, а вы остаетесь моей гостьей. Или же мои солдаты украшают частокол вашими головами.

Ультиматум молодого министра хитрым образом вернул Андромеду к началу разговора.

– Я вам не верю, – заявил Красноглазый. – Где доказательства, что вы не тронете нашу подругу?

– Я даю слово дворянина, что мои солдаты не прикоснутся к этой отважной госпоже, – министр приподнял ладонь, призывая к спокойствию. – А любой, кто обидит ее, ответит головой. Все эти люди, – Антоний фон Фишер показал на солдат, – свидетели моего обязательства.

Что ж, убедительно. Первый министр не стал бы пятнать честь нарушением обещания. Княгиня подозревала, что в предложении Антония фон Фишера кроется подвох, но не могла его разгадать. Так или иначе, ее и контрабандистов оставят в живых.

– Я полагаюсь на вашу честность, ваше превосходительство, – решила Андромеда. – Я принимаю ваше приглашение.

– Вы оказываете мне большую услугу, милая госпожа, – наигранно ответил молодой министр.

Красноглазый резко схватил Андромеду за плечи и бесцеремонно развернул к себе:

– Ты что, с ума сошла? – набросился он на нее. – Ты разве не понимаешь, что ему нельзя доверять?

– Он дал слово дворянина, и весь гарнизон этому свидетель, – холодно заметила Андромеда. – У меня нет причин не доверять ему.

– Мы даже не знаем, что он от тебя хочет!

– Что ж, по крайней мере я точно это узнаю.

– Ты глупа!

– Но я спасаю всех нас, – отрезала Андромеда и, стараясь придать голосу невозмутимость, заявила: – Я просила вас только вывезти меня из Мэрлоуза. Вы выполнили свое обещание. Больше я в вас не нуждаюсь.

Произнося эти слова, княгиня чувствовала ком в горле. Она не хотела обижать Красноглазого. Ведь это был человек, который заботился о ней на протяжении всего путешествия, а сейчас был готов ради нее даже пожертвовать жизнью. И все же она не видела другого способа заставить его уйти.

Контрабандист уставился на нее своим отталкивающим взглядом:

– Не пытайся сделать вид, что тебе наплевать на нас.

В горле княгини снова что-то дрогнуло, и она сдалась:

– Даже если бы хотела, то не смогла бы.

Андромеда, сама не понимая, что делает, вдруг обняла Красноглазого. Придворные дамы, вероятно, пришли бы в ужас, если бы узнали, что их государыня прикоснулась к просто-

людину. Но... какая разница? Красноглазый относился к ней лучше, чем Мэруин и его сотни сановников, придворных дам и гвардейцев.

Несмотря на напряженную обстановку, Андромеда не выдержала и усмехнулась. Она поняла, что объятия с Красноглазым – первые ее объятия за семь лет.

– Вы стали моими настоящими друзьями, – сказала она на ухо контрабандисту. – Единственными моими друзьями за долгие годы. Не забывайте меня, прошу вас.

– Таких женщин, как ты, сложно забыть, – так же тихо признался контрабандист. – По крайней мере, еще ни одна женщина на моей памяти не осмелилась поссориться с целым гарнизоном.

Андромеда снова улыбнулась, а Красноглазый вдруг нежно, но настойчиво оттолкнул ее от себя и взял за руки.

– Ты умна и хитра, – прошептал он, незаметно кладя ей в ладони что-то металлическое, – но у тебя нет оружия против Фишера. Возьми и найди способ снова им воспользоваться.

Андромеда раскрыла ладони и обнаружила в них свое серебряное кольцо.

– Спасибо!.. – приятно удивленная, Андромеда быстрым движением накинула кольцо на шею.

Княгиня попрощалась с остальными контрабандистами и направилась к Антонию фон Фишеру. Короткая история свободной жизни подошла к концу – она снова стала узницей. Но что же заставило молодого министра сохранить ей жизнь и отпустить ее друзей безнаказанными?.. А что если...

Святые небеса! Что, если он понял, кто она на самом деле? Что, если она теперь заложница князя Тэруина?

### 3.

Антоний фон Фишер повел Андромеду по мрачным коридорам. В крепости Клайнбург было пустынно, сумрачно и сыро – местами протекала крыша. Из узких бойниц дул ночной ветер, и Андромеда ежилась от холода.

Наконец Антоний фон Фишер привел Андромеду в небольшую комнату на вершине башни. Здесь, напротив, оказалось тепло и сухо: помещение согревал камин, в котором весело потрескивали дрова. Взглянув на просторную кровать с пологом, Андромеда невольно позавидовала – как-никак она уже полмесяца не спала в постели. А рядом с кроватью княгиня разглядела стол, нагроможденный свитками и картами. Вероятно, Антоний фон Фишер привел Андромеду в личные покои. Но... зачем?

– Это самая высокая башня крепости Клайнбург, – произнес за спиной молодой министр. – Прекрасной госпоже здесь нечего бояться.

Андромеда почувствовала на затылке горячее дыхание молодого министра, и у нее поползли мурашки от неожиданности. Теперь в этой уютной комнате голос Антония фон Фишера почему-то перестал звучать для нее отталкивающе. Он показался ей проникновенным.

– У очаровательной госпожи уставший вид... – продолжал министр. – Долгий путь из далекого предместья Мэрлоуз утомил ее. Верный друг может предложить ей вина. Напиток согреет госпожу и поможет забыть о тяготах путешествия.

Пальцы Антония фон Фишера внезапно оказались на талии княгини. Это прикосновение пробудило Андромеду от минутного наваждения. До конца не осознавая, что она делает, княгиня инстинктивно убрала руку министра, развернулась и что есть силы ударила его по лицу.

И прежде чем Фишер успел понять, что произошло, Андромеда отпрянула от него на безопасное расстояние. Кожа на талии начала зудеть, словно к ней прикоснулось что-то жалящее.

– Вы обещали! – в отчаянии выкрикнула Андромеда и взмахнула руками.

Она не думала о последствиях. Впервые в жизни княгиня не просчитала, к чему могут привести ее слова. Она дала волю чувствам и выплеснула злобу на молодого министра.

– Вы обещали перед своими солдатами, что не тронете меня! Вы дали слово дворянина! Вы лжец! У вас нет чести!

Андромеда ждала, как изменится лицо Фишера, когда он поймет, что не все его желания сбываются, что мир не построен по его правилам.

Но лицо молодого министра оставалось в тени, и Андромеда не могла разглядеть его выражение. Она видела только его тело – подтянутое, тренированное годами военной службы. Андромеда могла представить, каким успехом у женщин этот министр пользуется в столице. Однако при завидной внешности у Фишера не было ни капли благородства и жалости.

– Я лишь обещал, что никто из моих людей вас не тронет, – послышался из тени самодовольный голос. – Но я ничего не сказал насчет себя.

Андромеда захлебнулась от возмущения:

– Как же вы сами себя не презираете!

– Вы сами согласились стать моей гостьей, госпожа.

Антоний фон Фишер вышел из тени и легкой бесшумной поступью направился к Андромеде.

Впервые Андромеда ощутила себя загнанной в угол. Раньше – во дворце Мэруина, в лабиринте, в предместье Мэрлоуз – она знала, что у нее есть выбор. Выбор между свободой и Княжеским Дворцом, жизнью и смертью. Сейчас же она полностью оказалась во власти другого человека. У нее не было под рукой оружия, которым она могла бы задержать министра или убить себя, защитив от бесчестья. И не было рядом друзей, которые могли бы помочь.

– Если вы подойдете ближе, то пожалеете, – процедила Андромеда сквозь зубы. – Возможно, не сейчас и не завтра. Но в будущем вы, вся ваша семья и весь ваш род будут прокляты.

Говоря это, Андромеда в отчаянии представила, что при первой же возможности вернется к Мэруину. Вернется и сотрет Антония фон Фишера в порошок. Натравит на него тайную канцелярию, наемных убийц, всю армию князя. Но она найдет его и уничтожит.

В глазах молодого министра мелькнуло сомнение, и на секунду он задумчиво опустил взгляд. У Андромеды зародилась надежда, что он готов отпустить ее... Но, поколебавшись, министр вновь поднял на нее глаза.

#### 4.

Антоний умел говорить красиво. Ведь не случайно, что простой рыбак, которым он был десять лет назад, стал ближайшим сподвижником князя Тэруина и занял место у штурвала власти в его молодом государстве.

Антоний знал, что он красив. Незамужние женщины мечтали провести с ним ночь и были готовы заплатить за это любую цену – даже честью и достоинством.

Антоний обладал властью и влиянием. Бывало, мужья сами отправляли к первому министру красивых жен в надежде получить его благосклонность. И он, великодушный Антоний фон Фишер, дарил ее.

Но эта беженка, что сейчас замерла перед Антонием, стала одной из его досадных неудач. Она вела себя глупо и недальновидно. Знала ли эта красивая, но пустоголовая нищенка, что он способен для нее сделать, если она ему понравится? В ее же интересах начать вести себя разумно.

– Нам всем приходится делать то, что не нравится, – говорил Антоний, медленно приближаясь к беженке. – Я, например, вынужден проводить скучные ночи в этой приграничной крепости и постоянно рисковать жизнью на войне.

По лицу беженки промелькнула тень растерянности, когда она наткнулась спиной на стену и поняла, что отступать больше некуда. Ее взгляд в панике заметался по комнате. Глупая, но смелая девушка не оставляла надежду отыскать оружие.

Антоний нахмурился. Ему не хотелось пугать эту беженку и причинять ей боль, но ее упрямое сопротивление начинало злить. Неужели она не понимает, как ей повезло? Эта девушка даже не осознает, как сильно может поменяться ее жизнь!

– Ты не понимаешь, как близко оказалась к той цели, к которой стремятся тысячи женщин, – прошептал он. – Если ты понравишься мне, я передам тебя капитанам. Я передам тебя самому князю Тэруину. И если придешься по вкусу Его Величеству, то сможешь стать княгиней.

Антония и беженку разделяло расстояние вытянутой руки. Он смотрел прямо в ее красивые испуганные глаза. Видел, как под дорожным плащом тяжело вздымается и опускается ее грудь. И даже мог расслышать отчаянное биение ее сердца.

– Это вы не понимаете, что вас ждет! – оскалилась беженка и с вызовом подняла взгляд.

Антоний снова замешкался. Эта девушка угрожала ему со странной, ни на чем не основанной уверенностью. Но что она может ему сделать? Ведь она совсем одна! Может быть... она колдунья?

При этой мысли Антоний слегка похолодел.

Вздор! Колдуньи, ведьмы – все это лишь детские сказки и глупые поверья.

Беженка отвела руку назад, чтобы замахнуться для удара. Антоний, опытный боец, на этот раз опередил ее и крепко сжал ее запястье. Девушка принялась вырываться, но, что удивительно, даже не пыталась звать на помощь.

Отчаянное сопротивление беженки испортило Антонию настроение. Он был воином, и драка с женщиной стала бы для него бесчестьем. Но все же проучить эту дерзкую беженку было уже просто необходимо.

Неугомонная девушка вцепилась пальцами ему в грудь, и Антоний почувствовал на коже жжение – беженка умудрилась в кровь его исцарапать.

– Остановитесь! – вдруг приказала беженка твердым, уверенным голосом.

Антоний удовлетворенно усмехнулся:

– Поняла, что лучше сдаться?

Но беженка пропустила его вопрос мимо ушей. Она с чувством собственного достоинства подняла голову и заявила:

– Перед вами стоит Андромеда, княгиня Востока и наследница герцогства Ла-Шерле!

От неожиданности этого заявления Антоний опустил руки и в растерянности отступил на шаг. Сама девушка все еще тяжело дышала, но с вызовом смотрела ему в глаза.

– Это, конечно, умно, – выдавил Антоний и покачал головой. – Надо же! Еще одна Андромеда!

Беженка, казалось, удивилась его ответу:

– Еще одна? – спросила она уже спокойно. – Как... еще одна?

Антоний фыркнул:

– Думаешь, ты одна решила выдать себя за потерянную жену узурпатора? За последнюю неделю славные дома севера просто заполнились «прекрасными княгинями». И те женщины хотя бы немного похожи на подлинную княгиню Андромеду. У жены узурпатора светлые волосы, если ты не знала.

Разговор с беженкой не входил в планы Антония. Так или иначе, эта хитрая девушка все-таки обвела его вокруг пальца. Она остановила его не силой, а словами. Ее спокойный тон подействовал на Антония и остудил его пыл.

– Я изменила внешность, чтобы скрыться от князя Мэруина, – тихо сказала беженка.

Девушка прислонилась к стене и опустила взгляд в пол. От ее уверенности и смелости не осталось и следа. Эта ложь про Андромеду почему-то лишила ее последних сил.

Глядя на изможденную девушку, Антоний ощутил укол совести. Эта беженка лишь спасалась от узурпатора. Она искала приют на севере, как и многие другие беженцы. Она не вино-

вата в том, что судьба завела ее в приграничную крепость. Эта беженка... она и вправду чиста, и вправду благородна. В отличие от многих других девушек, к которым привык Антоний.

Ему вдруг захотелось утешить ее, искупить вину.

– Присядьте, – Антоний с удивлением заметил в своем голосе просьбу. – Я обещаю, что не причиню вам зла.

Антоний отошел от беженки, но та не сдвинулась с места и даже не подняла на него взгляд.

Долгое время они молчали. Тишину нарушали лишь треск поленьев и завывания ветра, который проникал сквозь оконные щели и легким холодком пробегал по спине Антония. Постепенно пламя в камине угасало. Тени в комнате становились все громადнее и зловещее, а звезды за окном – все ярче. Антоний, не дождавшись ответа девушки, отвернулся от нее и принялся рассматривать загадочный рисунок звезд.

Какая странная, глупая ночь! Он не смотрел на ночное небо вот уже десять лет, с тех пор как мальчишкой покинул рыбацкую деревню. А эта как снег на голову свалившаяся девушка заставила его вновь обратить взор к звездам. Вернуться и вспомнить, как он с друзьями мог ночи напролет проводить на причале, на крыше дома или посреди озера, если удавалось незаметно взять чью-нибудь лодку. Они могли часами мечтать о далеких путешествиях или рассказывать друг другу неправдоподобные, но захватывающие сказки о скупых богачах и глупой знати. Тогда... в детстве... он смеялся над теми, кто одержим богатством и женщинами. Он мечтал о настоящей любви и скромной судьбе матроса, блуждающего по неизведанным морям и океанам.

Как сильно все изменилось! Прошли годы, и он почему-то преуспел в том, что раньше высмеивал. В отличие от этой девушки, которая, похоже, сумела сохранить в душе чистоту.

Антоний снова взглянул на беженку и обнаружил, что она тоже смотрит на ночное небо. В ее глазах читалась грусть, а лицо выражало мечтательность. Неужели... неужели он нарушил ее планы, убил ее мечту?

– Мое имя действительно Андромеда, – печально повторила беженка. – И некоторое время назад я и в самом деле была супругой князя Мэруина. Узурпатора, как вы осмелились выразиться.

Антоний молчал. Он не собирался спорить с этой девушкой. Пусть она лжет, а пусть и в самом деле возомнила, что она супруга узурпатора. Антоний лишь хотел, чтобы она успокоилась и пришла в себя.

– Я родилась и выросла в герцогстве Ла-Шерле. Вот это кольцо, – беженка показала на серебряное ожерелье, на котором сверкала подвеска в форме спиральной морской раковины, – родовая реликвия моей семьи. Я единственная наследница ныне правящего герцога, и поэтому оно перешло ко мне.

Антоний присмотрелся. Серебряная подвеска и правда выглядела как очень дорогое украшение, которое не положено носить даже зажиточным горожанам.

– Я знаю, вы мне не верите, – говорила девушка. – Думаете, что я украла его.

Антоний не ответил. Он не хотел снова обижать беженку недоверием.

– Но все же я постараюсь убедить вас. Как супруге князя Мэруина мне приходилось вникать в государственные дела. Я присутствовала на сотне военных собраний и выслушивала бесчисленное множество докладов тайной канцелярии. Я, как и князь Мэруин, знаю все о населении и ресурсах вашего княжества.

Девушка говорила так уверенно, что Антоний заинтересовался ее красивой ложью:

– Например? Что вам известно?

– Крепость Клайнбург, – девушка пожалала плечами. – Сейчас здесь проживают пять тысяч солдат и сорок два повара. Близлежащие деревни содержат для крепости одиннадцать тысяч и двести голов домашней птицы и пять сотен пятьдесят голов свиней.

– Звучит убедительно...

Конечно, численность гарнизона мог сообщить этой девушке любой солдат, но как она могла узнать о поварах и крестьянских животных? Этими сведениями располагают только писцы и счетоводы!

– Провалиться мне на этом месте!.. – понизил голос Антоний. – Но это... это же тайные сведения переписи!..

– Они не такие уж и тайные для канцелярии князя Мэруина, – с удовлетворением заметила девушка.

– Подождите минуту! Минуту!

Антоний фон Фишер не верил своим ушам.

Он вылетел из комнаты и приказал страже немедленно бежать в архив. Антоний располагал сведениями обо всех приближенных князя Мэруина – его главных сподвижниках, министрах, военачальниках и, разумеется, о его супруге.

Не прошло и четверти часа, как солдаты доставили в башню свиток с жизнеописанием княгини Андромеды.

«Благословением небес, Андромеда Первая Монтеро, Защитница Веры, Княгиня Зэрлакса, Государыня Востока и Юга, Принцесса герцогства Ла-Шерле и иных земель наследная Обладательница...» – прочитал Антоний.

Под титулами художник изобразил портрет княгини и герб ее рода. На портрете Андромеда была облачена в черное платье – символ траура. За ее спиной расплывчато виднелся чудесный пейзаж: хвойные леса, горы и морской залив со смешными пенистыми волнами. Пейзаж напоминал скорее княжество Тэруина или герцогство Ла-Шерле, чем владения князя Мэруина. А на груди княгини сверкала серебряная раковина – наутилус...

Наутилус был изображен художником дважды: расплывчато на портрете Андромеды и подробно внизу пергамента. Антоний взгляделся в миниатюру, и ему показалось, что орнамент на раковине наутилуса будто бы что-то напоминает.

Буквы.

Множество маленьких витиеватых знаков искусно переплетались в единый узор, и только по-настоящему внимательный человек смог бы распознать в этом рисунке послание.

«Да будет защищать сие морское создание потомков моих, детей Цефея I, властителей океана и ветра», – гласила надпись на раковине наутилуса.

– Не могли бы вы мне показать... ваше кольцо? – попросил Антоний.

Девушка кивнула и сняла украшение.

Антоний взял наутилус в руки, при этом не смея поднять взгляд на таинственную незнакомку.

Невероятно!.. На колье беженки он прочитал ту же самую надпись. Многие слова стерлись от времени, но не оставалось сомнения в том, что слова на рисунке и на колье совпадают.

«Да будет... потомков моих... Цефея I... ветра».

Затем Антоний внимательно сравнил лицо незнакомки с изображением Андромеды...

– Святые небеса!..

Антоний выронил свиток, упал на колени и закрыл лицо руками. Впервые в жизни ему хотелось исчезнуть, провалиться сквозь землю от стыда. Его щеки пылали, а на висках выступили капли пота.

– Моя госпожа!.. Прошу, смилуйтесь! Простите меня!..

– Простить? – послышался сверху удивленный голос Андромеды. – Вы просите у меня... прощения?

Антоний поднял голову. Дрова в камине почти догорели, и в тусклом свете пламени бледное лицо княгини приобрело царственный и даже зловещий оттенок. Она возвышалась над министром как суровый, но справедливый судья.

«Князь придет в ярость, когда узнает, как я обошелся с монархиней, – судорожно рассуждал Антоний. – Он лично отсечет мне голову».

– Я думала, вы арестуете меня... и возьмете в заложницы.

Антоний покачал головой:

– Я, быть может, хитрый человек, но не подлец, прекрасная княгиня. Вы бежали от узурпатора к нам, и мы не откажем вам в защите.

– И вы... – губы княгини дрогнули в грустной улыбке, – вы не продадите меня ему?..

– Я клянусь, что никто не узнает, где скрывается княгиня Андромеда, – торжественно заявил Антоний, чувствуя облегчение. Похоже, Андромеда не держала на него зла. – Та самая княгиня, чья красота свела меня этой ночью с ума.

Андромеда улыбнулась еще шире и протянула вперед руку. Антоний коснулся губами запястья княгини, а затем вернул ей серебряный наutilus.

– Тогда поднимитесь с колен, мой друг, – сказала она вслух. – Вам не за что извиняться.

– Моя госпожа... – с почтением обратился Антоний, вставая с колен. – При всем моем уважении... вам опасно оставаться в приграничной крепости. Поэтому позвольте пригласить вас в город Левитас, где сейчас гостит князь Тэруин. Для меня было бы великой честью представить вас нашему государю!

Лицо Андромеды приобрело красивое, редкое выражение надежды и вдохновения. Антоний понял, что перед ее мысленным взором уже проносятся картины нового путешествия.

– Я вижу, что у нас одна цель и один враг, – сказала Андромеда деловым тоном. – А значит, нам по пути. Я готова отправиться с вами, ваше превосходительство.

## Глава 5. Изгнанный принц

### 1.

– В городе Левитас живет высший свет нашего княжества, самые достойные и благородные подданные. Поэтому советую очаровательной княгине забыть о скучных городах Мэруина и поскорее вкусить все прелести свободной жизни.

После не самого удачного знакомства с Андромедой Антоний фон Фишер старался перед ней выслужиться и исправить первое впечатление. Он разместил ее в просторном экипаже, а для сопровождения выделил целый конвой из полусотни солдат.

За окном опустилась ночь, а в карете было тепло и даже уютно. Княгине оставалось лишь посочувствовать солдатам, что уже несколько часов шли под морозящим дождем.

– Я полагаюсь на вашу честность, ваше превосходительство, – отозвалась Андромеда. – Прошу вас, не обижайтесь, но наши страны находятся в состоянии войны. Мне бы очень не хотелось оказаться пленницей.

Антоний лениво откинулся на бархатную спинку сиденья и вольно раскинул руки. Потрясение от того, что в его покоях внезапно появилась супруга князя Мэруина, начало проходить. Впрочем, как и чувство вины.

– Прекрасной госпоже не к лицу унылые мысли о войне и политике, – отмахнулся Антоний. – Не тревожьтесь напрасно. Князь Тэруин – мой старый друг. Мы вместе освободили север, вырвав его из цепких пальцев вашего мужа. Я знаю государя как самого себя. Уверю, он примет вас как родную сестру.

Антоний помолчал, оценивая, произвели ли его слова впечатление. От необходимости отвечать Андромеду избавил солдат, внезапно открывший дверь экипажа:

– Горячий настой и угощение для его превосходительства и высокоблагородной гостьи, – отчеканил мужчина и передал поднос Антонию.

Некоторое время Андромеда и Антоний сохраняли тишину, наслаждаясь тем, как напиток их согревает. Княгиня смотрела в окно и сквозь его ажурную решетку силилась разглядеть очертания Левитаса. Однако она видела лишь белоснежные меловые скалы и побережье бескрайнего озера, вдоль которого конвой двигался уже целый час. Если Андромеда была бы плохо знакома с землеописанием севера, она бы запросто предположила, что перед ней не озеро, а настоящее море.

Наконец она его заметила.

Сердце Андромеды замерло, а затем забилось веселее и живее в предвкушении удивительных открытий.

Конвой двигался в сторону громадного, невероятно большого города. Никогда прежде княгиня не видела таких колоссальных сооружений. Город окружала высокая крепостная стена – она возвышалась на сто футов над землей и своими размерами, пожалуй, уступала лишь резиденции Мэруина и театру Мэрлоуза. А сторожевые башни и вовсе, казалось, устремлялись в небо – Андромеда оценила их высоту в две сотни футов. Огонь из их окон виднелся на многие мили вокруг и, вероятно, служил прекрасным ориентиром для судов в озере.

И правда – в темных водах озера Андромеда разглядела сотни огоньков: от фонариков на рыбацких лодках до огня на палубах парусников. А у самой крепостной стены виднелись силуэты огромных конструкций – то были подъемные краны, по высоте превосходившие даже крепостную стену и возвышавшиеся над городом словно чудовищные скорченные пальцы. Похоже, это был порт.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.